

Голубцов Сергей, протодиак. Материалы к биографиям профессоров и преподавателей МДА [= Московской Духовной Академии]: Архиепископ Иларион (Троицкий), [свт.] // Богословский вестник 1998. [Т. 2.] Вып. 2. С. 108–170.

108

Протодиакон Сергей Голубцов

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЯМ ПРОФЕССОРОВ И
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МДА:

АРХИЕПИСКОП ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ)

Иларион (Троицкий Владимир Алексеевич), архимандрит (впоследствии — архиепископ)¹, 13.09.1886 - 28.12.1929. Помощник ректора (инспектор) Московской Духовной Академии (1913 - 1920), экстраординарный профессор (1913) по первой кафедре Священного Писания Нового Завета. Магистр богословия (1913). Епископ Верейский (с 25 05.1920), управляющий Московской епархией (с июля до 28 ноября 1923) при Патриархе Тихоне (в сане архиепископа с 06 07.1923²).

Сын священника с. Липицы Каширского уезда Тульской губернии, окончил Тульское духовное училище и семинарию (1906), МДА (1910), иеромонах и архимандрит (1913), с 30 мая 1913 года — инспектор Академии, в мае - сентябре 1917 года — и.о. ректора. Член Поместного Собора РПЦ (1917 - 1918).

Автор около 100 публикаций: по экклезиологии (в т.ч. и его магистерское сочинение «Очерки из истории догмата о Церкви»), церковной публицистике, апологетике, полемике с католичеством и протестантством и пр.

Архимандрит Иларион — одна из самых ярких и светлых личностей, которой могла гордиться предреволюционная Академия.

Репрессирован в 1919 год (март - май), в 1922 - 1923 и 1923 - 1929 годах. Скончался от тифа в тюремной больнице в Ленинграде. Священномученик, не канонизирован.

Наделенный от природы большими умственными дарованиями, усвоивший высокие нравственные устои, преподаваемые в семье своего отца³ (откуда вышли два архиерея⁴ и один священник), сохранивший целостность своей природы,

блестяще окончивший семинарию, а затем и Академию, и оставленный в ней для подготовки к профессорскому званию на 1910 - 1911 учебный год, он смог в короткий срок достичь больших успехов и на научном, и на административном поприщах.

Еще в 1907 году, будучи студентом II курса Академии, он был привлечен тогдашним ее ректором епископом Евдокимом к сотрудничеству в издаваемом им журнале «Христианин». Публикуется и в журнале «Вера и разум». В 1908 году участвует в организованном ректором путешествии по Балканским странам и Ближнему Востоку, о чем публикует путевые заметки и впечатления. В 1909 году в связи с 95-летием Академии произносит юбилейную речь на торжественном Акте 1 октября в день Покрова. В ней он говорил о печальном для Церкви вытеснении Христа из жизни людей и замене его разными идолами или о поиске многими «иных путей» для христианства без Церкви [«Богословский вестник», 1909, № 10, сс. 339 - 354].

Обширное (1306 страниц) и талантливо написанное в 1910 году кандидатское сочинение «История догмата о Церкви» состояло из 7 глав, излагающих:

- 1) Новозаветное учение о Церкви;
- 2) учение о Церкви в борьбе с иудейством;
- 3) учение антигностических писателей: Иринея, Тертуллиана и др.;
- 4) учение о святости Церкви и ее борьба с монтеизмом;
- 5) учение св. Киприана о единстве и святости Церкви;
- 6) борьбу с донатизмом и учение о Церкви отцов, живших после еп. Киприана (Методия Патарского, блаж. Августина и др.);
- 7) учение о Церкви восточных отцов: Кирилла Иерусалимского, Иоанна Златоуста, Василия Великого и др.

В сочинении была использована многочисленная литература на классических и западноевропейских языках. Проф. А. Д. Беляев признал работу «выдающимся по учено-литературным достоинствам трудом», в котором «талант и трудолюбие друг друга взаимно поддерживают». Среди менее удачных мест им были отмечены: чрезмерное обилие цитат, утомляющее читателя, иллекченность нахождения теории предсуществования Церкви у Климента и у Ермы, которая,

по его мнению, есть просто отражение их мысли «о восстановлении в Церкви той жизни, которая предполагалась существовавшей у наших прародителей и служит как бы идеалом человеческой богоподобной жизни», недостаточное раскрытие гносиса в аспекте его учения и некоторые другие пункты. [Ж., 1909, сс. 231 - 235].

Другой рецензент, ректор еп. Феодор, отметил выпуклость определения Церкви, данного автором, как особого организма, созданного Христом, а не какой-то человеческой наднациональной организации, четкость определения принципов инославных Церквей, так же как и обособленность отрицания примата Рима и т.д.

В целом рецензенты оценили сочинение как ценный вклад в науку и как вполне готовое, чтобы быть напечатанным в качестве магистерской диссертации, но, конечно, автором оно подверглось впоследствии существенной доработке. Совет отметил его премией митрополита Иосифа (165 руб.). [Ж., 1910, сс. 235 - 238, 250].

Незаурядные способности и академические успехи Троицкого побудили администрацию Академии предназначить его на занятие открывавшейся по новому Уставу 1910 - 1911 года второй кафедры по Священному Писанию Нового Завета, которое уже много лет читал профессор М.Д. Муретов.

Автор, тогда еще Владимир Троицкий, был оставлен профессорским стипендиатом и кандидатом в преемники проф. Муретову, которому и поручалась подготовка стипендиата.

3 мая 1911 года он успешно прочитал две пробные лекции на темы: «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету» и «Сын Божий и Церковь» (Мф, XVI, 13—18), но приступил к чтению лекций лишь в январе 1912 года. Весной он закончил работу над магистерской и отдал ее рецензентам.

В июле того же года он предпринял путешествие в Европу, которым остался очень доволен. *«Прошел передо мной целый ряд городов, зданий именитых, народные обычаи и жизнь, мог я присмотреться к чужим порядкам, к иной совершенно жизни, — писал он в одном частном письме. — Целая вереница величайших художественных произведений, возглавляемых Мадонной Рафаэля и Венерой Милосской. Богатейшие мировые музеи... показали мне свои*

сокровища... Побывал в четырех университетах, причем в Германском был даже на лекции знаменитого Гарнака..., плывал по чудесным швейцарским озерам. Целый день плыл по Рейну. Видел грозный Рейнский водопад... Особенно сильное впечатление произвела на меня Германия... — не могу не признать, что Германия культурнейшая страна из всех существующих. Это цветущая сплошь обработанная земля... Во Франции, собственно, я посетил один Париж, где прожил 6 с половиной дней... Дрянь порядочная Париж — вот что скажу я. У нас о Париже совершенно ложное представление. Для нас Париж — город блеска и разврата. Это неправда. Какой там блеск, когда грязи в нем не меньше, чем в Москве. Перед Берлином Париж никуда не годится... Город разврата... Но право же ничего подобного. Безобразия и у нас, где угодно больше... Французы народ бестолковый: уличная жизнь их бросается в глаза...» Но не эти внешние впечатления были важны для него. Основное лежало в области церковной жизни Запада, о чем он будет писать позже.

В сентябре Владимир Троицкий продолжил чтение лекций по Священному Писанию Нового Завета, а в ноябре 1912 года Совет уже заслушал отзывы рецензентов о его магистерской работе — продукте переработки курсовой работы⁵. М.Д.Муретов, в частности, указал, что догматическая сторона предмета «охвачена всесторонне, построена систематично и изложена отчетливо, в строго православном тоне и с полной научно-исторической объективностью. Автор проводит прямо победоносную полемику с новейшими католическими и протестантскими богословами, особенно по вопросу о примате Римской Церкви и главенстве Римского епископа... Книга может служить прекрасным энциклопедическим руководством к православному изучению излагаемых вопросов. Кроме того, автор в русской богословской литературе имел лишь двух предшественников — архим. Сильвестра (профессора и ректора КДА) и Е.Аквилонова (профессора СПбДА), работы которых ограничиваются кратким и отрывочным изложением лишь древнейших отцов Церкви...»

Второй рецензент, проф. С.С.Глаголев, отметил «самостоятельность и объективность автора, историческим путем выясняющего истинность православных догматических воз-

зрений на Церковь — как Хранительницу Истины. Труд, по словам рецензента, отмечен гармонией веры и знания, написан легким и литературным языком, читается с большим интересом...»⁶.

Диспут состоялся 11 декабря, о чем Троицкому объявили лишь за несколько дней до него. «А у меня ни речи, ни гости не приглашены, ни обед не приготовлен... Пошла голова моя кругом... даже утром 11-го чувствовал усталость. А потом и началось представление в нескольких действиях. Диспут вышел не из блестящих. Возражений серьезных и интересных почти не было. Только всех удивила невозмутимость и полное спокойствие диспутанта...» — писал он на другой день в одном из частных писем.

Советом диспутант единогласно был утвержден в степени магистра, а 16 января наступившего 1913 года был удостоен академической премии митрополита Макария, присуждавшейся за лучшие магистерские работы текущего года (290 руб.).

Через неделю после защиты диссертации он отправился в небольшую поездку в Киев и Житомир, где пообщался с епископом Прокопием Титовым, с которым несколько раз побывал и у Антония Храповицкого. Можно предположить, что они, несмотря на то, что юноша мечтал заняться наукой, в значительной мере склонили его к принятию монашества. Ведь Антоний Храповицкий был рьяным сторонником ученого монашества и многих обратил на этот путь, к сожалению, не всегда оправданно⁷. Такого же направления был и ректор Академии епископ Феодор, мечтавший, конечно, сделать способного юношу своей правой рукой по управлению Академией. И в день Торжества Православия Троицкий подал прошение о постриге, который и состоялся 28 марта в Пустыни Св. Параклита, что в верстах 5 - 6 от Посада за Черниговскими пещерами.

В напутственном слове епископ Феодор сказал, в частности, новопостиженному: «...Истина Христова проста и лишь сами люди усложнили и усложняют ее различными мирскими и житейскими мудрованиями. Эта истина в том, что самое ценное, самое важное в жизни — это выяснение в своем внутреннем человеке образа Христа... Нужно быть готовым жертвовать ради (этой) высшей цели всем, как бы

дорого нам что-либо ни было, как бы важно ни казалось... и наукой, и Академией, потому что они без Христа — ничто, а во Христе всякий везде может принести пользы больше, чем в свещнице академической науки...»

Понял ли тогда молодой монах, принявший имя Илариона (= «веселый»), что предрекал ему ректор Академии? — Вряд ли. «*Будто высокая волна подняла меня, да и до сих пор не отпустила... В духовной радости пробыл 5 дней в храме. Вернулся в Академию, но еще не вернулся к своим прежним делам. Началась Страстная Пасха...*» — писал он в апреле.

11 апреля он был рукоположен в сан иеродиакона, 2 июня, на Троицу, — в сан иеромонаха, а перед тем, 30 мая, назначен на ответственную административную должность — инспектора Академии, на которую в старое доброе время назначали лишь опытных и умудренных жизнью профессоров, но в период епископского правления Академией этот разумный подход ушел в прошлое. А 5 июля Иларион был возведен прямо в сан архимандрита — в сан, которого сподоблялись единицы из монахов уже на склоне своих лет после десятилетий монашеского искуса.

Даже для такой умственно и духовно одаренной природы не могло пройти бесследно⁸ это искушение властью, которой он был наделен столь скоропалительно и, надо прямо сказать, бездумно со стороны епископа Феодора. Это и видно из приведенного ниже материала.

Так, например, в дневнике от 2 октября 1913 года А.Беляев отметил, что инспектор Иларион на заседании Братства почти не слушал его (Беляева, заслуженного профессора — С. Г.), читавшего прошения и документы, и определял первокурсников, как неинормальных. А.Беляев замечает, что «это происходило от опьянения властью. Безрассудно так рано высоко поставять на посты». Поэтому наиболее прогрессивно настроенные ученые, как например, И.В.Попов, С.И.Смирнов и некоторые другие были за то, чтобы в администрации было поменьше монахов. Так, когда летом 1915 года в Академии прошел слух о переводе инспектора Илариона ректором в Киев, профессор Попов пишет С.Смирнову: «Хотя Иларион и присмирел, а все лучше, если он будет ректором не у нас. Ремов глупей, безличней и не так

смел. По настоящим временам все это важные преимущества в кандидатах на начальственную должность...» [ОРТБЛ, ф. 280, 18, 25, л. 35].

Находясь в первые годы под сильным влиянием епископа Феодора и Антония Храповицкого, он следовал их морально опасному курсу вовлечения студентов в монахи, что вызывало недовольство в академической среде⁹.

«Профессор-архимандрит, проректор Академии, интереснейший лектор, первоклассный оратор, он выделялся среди остальных, — вспоминает С.А. Волков¹⁰. — ...Высокий, стройный, с очень умеренной и пропорциональной полнотой, с ясным и спокойным взглядом прекрасных голубых глаз (он был немного близорук, но никогда не пользовался очками), всегда смотревший прямо и уверенно, с высоким лбом и волосами, которых он никогда не завивал, с небольшой, но окладистой русой бородой, со звучным голосом и отчетливым произношением, — он производил обаятельное впечатление. Нельзя было им не любоваться. Несколько портила его привычка иногда слегка пофыркивать носом, но и эта мелочь как-то скрадывалась и почти не замечалась в сильном облике чисто русского человека, прямо-таки богатыря, одухотворенного глубоким интеллектом и чистой благородной душой... Все преклонялись перед ним и глубоко уважали его... Помню его блестящие публичные лекции о России, о Церкви, которые я приходил слушать, будучи гимназистом 7-8 классов. Он придерживался славянофильских взглядов, обильно сдабривая их почти католическими церковными тенденциями, измененными на православный ряд и примененными к русской обстановке. С особенной страстью он говорил о взаимоотношениях Государства и Церкви, бранил «нечестивого царя Петра» и Синод, который, по его мнению, «был учреждением совершенно не каноническим», ратовал за восстановление патриаршества... Его самого в кулуарных разговорах, ... хотя это были просто частные беседы, называли среди прочих, — кандидатом на патриарший престол — честь для молодого архимандрита немалая!... Самого католичества Иларион не любил, можно сказать, даже не выносил... Когда в 1919 году (кажется) в Москве проходили какие-то совещания представителей Русской Православной Церкви с католическими лицами о возможном сближении,...

то однажды на мой частный вопрос об этом Иларион ответил иронически и многозначительно: «Эти собрания проходят под моим председательством, а потому вряд ли может быть от них какой-нибудь положительный результат... Впрочем, если Рим покается, то...» Он не окончил фразы. Было ясно, что Рим «каяться» не хочет... Лекции архимандрита Илариона по Св. Писанию Нов. Завета, — продолжает С.А.Волков, — были прочитаны прекрасным языком. В них было много того, что можно назвать «публицистическим» элементом, откликом на современность, что мне не особенно нравилось после глубоко научных лекций о Евгения Воронцова. Думаю, что у Илариона этот элемент проникал в лекции не от недостатка ученых познаний, которые у него, как и феноменальная память, были поразительны и очевидны, а скорее от его темперамента — он не мог спокойно повествовать, ... а должен был говорить, зажигая своих слушателей, спорить, полемизировать, доказывать, опровергать. Мне думается теперь, что ему, по его характеру, скорее бы подошла апологетика, а не экзегетика! Он не был только теоретиком, теорию он всегда соединял с практикой. Это был человек, который требовал действия, реального дела...

... Необычайно красиво и величественно совершал он служение в храме¹¹. — продолжает С.А.Волков. — Было нечто возвышенное, легкое и прекрасное в его чтении Евангелия и произнесении возгласов и молитв звучным и раскатным голосом, властно наполнявшим всё пространство нашего обширного академического храма... Была некая восторженность в его служении, вполне искренняя, без малейшей тени театральности, увлекавшая молящихся и запомнившаяся мне на всю жизнь... Дивно он пел «Чертог твой...» Он страстно любил Академию и ее храм... Он верно и четко замечал различие между католическим и православным ритуалами, отчасти изложенное в его «Письмах о Западе», тонко постигал могучую силу церковного пения в православии... Понимал он и значение иконописи, всего церковно-вещественного обихода... Этот смелый и исключительно талантливый человек все воспринимал творчески...»

Инспекторство Илариона, человека доброго и снисходительного, было, видимо, одним из светлых моментов в жизни академического студенчества. С.Н.Постников оста-

вил несколько интересных моментов из этого периода его деятельности¹².

Но и он, подобно епископу Феодору, особеино в первые годы «по рвению и начинающего администратора», по словам Постникова, стал настолько досажать студентам своей агитацией за принятие пострига, что какая-то группа студентов устроила даже голодную забастовку, о чем доложили ректору, и он отменил какое-то неразумное распоряжение Илариона. Лозунг Илариона, выдвинутый им на первой же лекции — «Академия для монахов!», — и от которого он вынужден был впоследствии отказаться, был подхвачен епископом Феодором в 1917 году на съезде монашествующих¹³.

С первых лет его службы в Академии епархиальная администрация, оценив его эиергию, ораторский талант и богословские знания, дает ему ответственные поручения и вне Академии. В 1913 году его чуть было не отправили на Старый Афон вместе с архиепископом Ноконом (Рождественским) для подавления, очевидно, имябожников¹⁴. В апреле 1914 года его назначают одним из увещавателей к нераскаившимся афонским монахам, расквартированным в монастырях московской епархии в ожидании суда, назначенного на конец апреля. *«Дело это вообще грязноватое, крайне ответственно, к моему образу... мало подходящее, требующее немалой книжной подготовки, которой я не имею вовсе, а времени мало остается и, главное, без того не знаю, как справиться с академическими делами. Это поручение меня прямо угнетает...»* — признавался он в одном из писем. Но через месяц он с облегчением писал: *«Дело с афонцами разрешается без моего участия. Но... времени у меня пропало много. Ведь до июня остается чуть больше месяца, а остается прочитать сорок четыре семестровых сочинения (прочитал на этой неделе восемь!), пять кандидатских, еще восемь экзаменов, а праздники, службы...»*

В 1916 году его посылают в Киев на совещание по вопросу улучшения положений духовных академий¹⁵.

В Академии в мае - сентябре 1917 года архимандрит Иларион исполнял обязанности ректора вместо уволенного с должности епископа Феодора. Как сообщает С.А. Волков, архимандрит Иларион был лучшей кандидатурой на пост

ректора Академии со стороны профессуры, но прошел А.П.Орлов¹⁶.

В период церковного возрождения, вспыхнувшего с огромной силой в 1917 году и проявившегося в ряде съездов духовенства, мирян и монашествующих, завершением которых был Поместный Собор, архимандрит Иларион не остался в стороне.

С 7 по 14 июля в стенах Академии, в которых пока оставался уволенный епископ Феодор, под номинальным председательством тогда еще московского архиепископа Тихона, а практически — епископа Феодора, проходил съезд ученого монашества, в котором участвовало около 70 лиц. Было решено создать братство ученых монахов, для которых передать несколько монастырей и учебных заведений. Архимандрит Иларион совместно с иеромонахом Варфоломеем (Ремовым) пытался воспрепятствовать затее епископа Феодора («во имя ограждения чистоты православно-богословской науки!») прибрать Московскую Академию к своим рукам) — сделать ее чисто монашеским заведением, за что (под влиянием последнего) проголосовало 30 человек, против — 19. Иларион открыто заявил, что *«История академической науки вообще заставляет с большой осторожностью бросать профессорам академий обвинение в неправославии, так как общеизвестны факты, когда положения ученых работ, поспешно объявленные вредными для Православия, скоро становились общепризнанными истинами. Не грозит какой-либо опасностью для православной богословской науки и вводимая в жизнь академическая автономия, потому что деятели академические остаются те же, и автономия не сделает их врагами Церкви, какими они не были и раньше... Нельзя не признать того факта, что ученое монашество в настоящее время не близко к богословской науке»*¹⁷.

На том же съезде архимандрит Иларион был выбран делегатом на Поместный Собор и от монашества (как ранее от Академии), получив 29 голосов из 52, но в Предсоборный Совет не прошел, получив лишь 16 голосов. Прошел епископ Феодор (36 голосов).

17 октября 1917 года архимандрит Иларион в соответствии с принципом выборности ректора и его помощника

(ранее именовавшегося инспектором), провозглашенными новыми Временными правилами для Академий (от 8 мая 1917 года), снял с себя эту последнюю должность, но через 12 дней вынужден был, уже по избранию Советом, принять ее вновь.

Архимандрит Иларион, выбранный делегатом от МДА на Всероссийский съезд духовенства и мирян в Москве, на Московский епархиальный съезд по выбору митрополита и на Поместный Собор, проявил кипучую деятельность во всех этих форумах, горячо ратуя за обновление церковной жизни и восстановление патриаршества, о чем он произнес горячие речи и в стенах Академии, и в Лавре, в Троицком соборе, и в Москве, и написал статьи. В частности, в «Богословском вестнике» (1917, № 8 - 9, сс. 275 - 279), где писал: «Церковный Собор... За последние 12 лет эти слова не сходили с уст церковных людей... однако... Собора все не было... Прежде гонимые религиозные общины получили свободу. В древней православной Москве беспрепятственно заседали соборы раскольников, собирались съезды баптистов... Самодержавие царское, по Петровскому идеалу образовавшееся, все время было враждебно к самостоятельности Русской Церкви и в этом отношении, себе на погибель, осталось верно себе до конца. Потребовался стихийный переворот, ниспровержение самого царского престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благоприятное время созвать Собор... Эта династия скоро обратилась в совершенно чуждую русскому народу, уничтожило патриаршество...»

Патриаршество на Соборе стало одним из острых вопросов, вокруг которого разгорелись жаркие дебаты. Тут архимандрит Иларион употребил все свое красноречие, чтобы воздействовать на психику колеблющихся или возражающих: «Отцы и братие! ...Зачем говорите безнадежные речи? Ведь против церковного сознания боритесь вы! Бойтесь, как бы не оказаться вам богоборцами! .. Два месяца назад... разве не было кому тогда больно до слез видеть пустое патриаршее место, разве не обидно было видеть, что московский митрополит за всенощной под Успенье стоял где-то под помостьями? Разве не горько было видеть на историческом патриаршем месте грязную

доску, а не патриарха?...». И далее: «...Святотатственная рука нечестивого Петра свела Первосвятителя Российского с его векового места в Успенском соборе. Поместный Собор Российский от Бога данной ему властью снова поставит Московского Патриарха на его законное, неотъемлемое место. И когда под звон московских колоколов пойдет святейший Патриарх на свое историческое священное место в Успенском соборе, тогда будет великая радость на земле и на небе».

С горячей речью выступил он и в Академии, когда узнал, что многие из профессуры против восстановления патриаршества. Лекция продолжалась около трех часов и закончилась аплодисментами...

В основном, видимо, благодаря энергии архимандрита Илариона мнение Собора склонилось в пользу патриаршества. И при голосовании инициатор этого вопроса архиепископ Антоний получил наибольшее число голосов, за ним шел архиепископ Новгородский Арсений, далее — московский митрополит Тихон. Казалось, Антоний добился своего, но далее случилось неожиданное для претендента — старец Зосимовой пустыни иеромонах Алексей из этих трех лиц вынул по жребию записку с именем Тихона, Антоний, как передавали свидетели, неприлично выразился по адресу нового Патриарха и раздосадованный удалился. Три или четыре голоса получил и архимандрит Иларион, по поводу чего член Собора, профессор МДА прот. Дмитрий Рождественский иронизировал в кругу близких лиц: «... Гм! Оно, конечно, для Патриарха это маловато... маловато-маловато... Впрочем, чтобы быть... ослятей, на котором Святейший Патриарх будет впоследствии выезжать, то оно... мне кажется... может быть и вполне достаточно...»¹⁸

После избрания патриархом митрополита Тихона архимандрит Иларион становится, по словам А.Краснова, его правой рукой, одним из ближайших советников и главным консультантом по богословским вопросам.

Он, видимо, уже тогда обратил на себя внимание атеистической власти. 10 марта 1919 года его арестовывают и бросают в Бутырскую тюрьму. Но тогда держали, как правило, еще не подолгу и прислушивались в какой-то степени к голосу народа, и поэтому по ходатайству академической

корпорации через 3 месяца, к Троицыну дню, его освободили¹⁹.

На тюремное содержание он тогда не жаловался. Сообщал, что в камере собралось три профессора, читают лекции, прошли курс стенографии²⁰.

В мае 1920 года (20-го числа по митрополиту Мануилу, 25-го — по М.Губонину²¹) он был рукоположен во епископа Верейского — викария Московской епархии и скоро стал правой рукой Патриарха. Он продолжал преподавательскую деятельность в Академии, читал публичные лекции, принимал участие в церковных диспутах.

Отчет о деятельности Совета МДА за 1919 - 1921 годы отмечает, что 21 апреля 1920 года архимандрит Иларион был освобожден от должности проректора Академии в связи с назначением его епископом Верейским, и что в 1919/20 учебном году он читал историю новозаветного канона и текста, а в 1920/21 учебном году вел толкование Евангелий²².

Интересен следующий фрагмент его письма этой поры.

«...Профессором состою и я, но плохим, — писал 9 июня 1921 года епископ Иларион профессору Петербургской Духовной Академии Н.Глубоковскому. — Правда, я имею то преимущество, что доселе живу, не заботясь о насущном пропитании нисколько... Но я одержим людьми и делами. Служения почти ежедневные, разъезды по Москве и губернии, а дома — люди, люди, люди. Я имею перед собой тысячные аудитории, но больше в храмах, где мы читаем и лекции, но применительно к публике. Аудитории, нуждающейся в серьезной богословской речи, нет... Еще бывали зимой выступления в клубах и театрах в религиозных диспутах, но и там серьезные материи обсуждаются в упрощенной форме... Главное мое дело теперь — проповедь. За первый год ораторства, за вычетом двух месяцев болезни тифом, сказал я 331 проповедь. Редко удастся посидеть за хорошей книжкой... Чувствуется пустота в голове. Дни академические вспоминаются как райское блаженство.

Церковная жизнь московская не угасает. Теснима она только в Управлении; а на местах свободна. Но ведь вся духовная жизнь угасает, и моральные принципы рыхлятся, а потому и люди меняются до неузнава-

емости. Сейчас не могу написать точной даты смерти Н.В. Лысогорского... 6, 7 или 8-е декабря 1918 года. Хорошил его только один я из академических на Скорбященском кладбище, помнится 9—10 декабря...

Вы спрашиваете о В.П. Шеине, но такого уже нет. Есть архимандрит Сергей Шеин, который не в Архив назначается, а м.б. скоро станет епископом Клинским²³.

...Митрополит Кирилл все еще в Таганской тюрьме. Там же вот уже скоро год Преосв. Феодор и Гурий, и архиеп. Никандр (Вятский). Привезен из Казани преосв. Петр (Зверев). А Владимир Путята, присоединенный было к Церкви в звании монаха, опять выехал в Пензу архипастырствовать, и так и отлучен от Церкви. Его дело смущало церковные круги не более месяца. В.Н. Страхова дома²⁴ нет, он все старается подлечить свои легкие, в которых явился пока маленький изъян. На днях жду его домой...»²⁵

Но... 9/22 марта 1922 года, вероятно в связи с кампанией по изъятию церковных ценностей, последовал новый арест епископа Илариона, тюремное заключение, приговор Коллегии ГПУ — от 7/20 июня — высылка на один год, 26 июня/9 июля²⁶ прибытие с этапом в Архангельск, 27 июня/10 июля — освобождение из тюрьмы и переход на «свободное» жительство в Архангельск.

В Архангельске он с горечью следил за развитием событий в Русской Церкви, делясь своими впечатлениями со знакомыми.

«Хоть я и далеко забрался, — пишет он 12 октября в одном из писем, — но о московских делах хорошо осведомлен из разных источников... Я могу быть равнодушен к моей собственной судьбе и жизни, но дело Церкви всегда будет дорого и близко. Сейчас вижу только одно: сатана работает без передышки и завертел иных, даже разумных людей... Во всем виновата, конечно, советская власть. Она искусственно создала расстройство церковного управления, арестовав людей, не имеющих никакого отношения к политике. Она, вопреки собственным законам, поддерживает группу головотяпов...»

Через месяц он писал: «Трудная и даже изнурительная жизнь, которую я по воле Божией вел последние пять

лет, имела следствием для моей личной жизни успокоение страстей, если не полное, то весьма значительное... После двенадцати лет службы ничего не имею и желания иметь у меня нет... Вести о московской смуте доходят, и я удивляюсь низости человеческой и трусости крайней, за свое благополучие готовы все подписать, чему и не сочувствуют. Значит, никаких убеждений нет у людей...»

Еще через несколько дней: «...Теперь можно положительно сказать, что изъятие ценностей было ненужным предприятием. Судя по отчетам, ценностей получено не более, как на двадцать миллионов золотых рублей. Теперь сосчитайте, чего стоит само изъятие, перевозка, переливка (с угаром и... утечкой). Ведь в иных местах ящики стоили столько же, сколько самые ценности. Прибавьте еще расходы на содержание в тюрьмах тысячей арестованных [по] этому делу. Расходы на следствие и суды...»

В связи с интенсивной перепиской и, видимо, личным общением с другими в декабре ГПУ решило провести обыск и арест Илариона, но вскоре его отпустили. 13 июня 1923 года вновь произвели обыск, но ничего не нашли, т.к. переписку Иларион стал уничтожать.

По возвращении в Москву 8/21 июня²⁷ 1923 года, быстро поняв новую позицию Святейшего Патриарха Тихона (после его освобождения 25 июня 1923 года — С.Г.), епископ Иларион сразу стал, по словам Краснова-Левитина, ее активным проводником. За два дня он переговорил с сотнями священников, мирян, монахов и монахинь. Он договорился с приходами о чине их присоединения к Патриарху. Разработал чин покаяния, принял тут же десятки обновленцев, пришедших к Патриарху с покаянием. Благодаря неукротимой энергии этого человека церковная организация в Москве была восстановлена в два дня. И что самое главное — епископ Иларион взял на себя тяжкое бремя переговоров с Е.А. Тучковым. После трехчасовых яростных споров было выработано соглашение, по которому Патриарх издает еще одно воззвание к верующим, в котором мотивы покаяния в политических грехах²⁸ прозвучат яснее, более категоричным будет осуждение зарубежной церковной эмиграции²⁹, а Е.А. Тучков издаст разъяснение к инструкции от 1 июня, и кроме того не будет настаивать на принципе «регистрации»,

снизит налоговое бремя с храмов и духовенства [Очерки, т. 2, сс. 220 - 222].

«... Будучи умеренным консерватором, архим. Иларион проводил взгляд, что общественное развитие является сочетанием двух тенденций — прогресса (накапливание материальных ценностей, отрицательных с христианской точки зрения) и преобразования (нравственного)» — мысли, по замечанию Краснова, очень близкие провозглашенным А.Блоком, которые эти тенденции называл соответственно цивилизацией и культурой...

Возведенный, по словам А.Краснова, в сан архиепископа³⁰, Иларион в первых числах июля 1923 года переосвящал собор Сретенского монастыря. Освящение производилось по великому чину, — волна фанатизма прокатилась по Москве, обновленцев выгоняли из храмов, избивали, говорили о них с большей ненавистью, чем о безбожниках [с. 232]. Неизменно всюду и везде Святейшего Патриарха Тихона сопровождал архиепископ Иларион, на его богослужениях он выступал с проповедями, в которых часто касался церковных проблем.

Интересна его проповедь в церкви Свт. Николая в Кадашах в память незадолго до этого умершего о. Николая Смирнова, введшего там всенародное пение. Нарисовав образ почившего, о. Иларион говорил о необходимости непрерывного духовного горения пастырей, которое бы исключило самую возможность Живой Церкви.

Затем мы видим архиепископа Илариона одним из участников на неофициальных переговорах, ибо вскоре после Пленума ВЦС, на котором обновленцы образовали Св. Синод, начались закулисные переговоры между тихоновцами³¹ и обновленцами, и в целях умиротворения Русской Церкви якобы согласились на: 1) удаление Святейшего Патриарха Тихона на имеющем быть Соборе, который он, однако, открывает, при этом митрополит Евдоким обещал ушедшего на покой считать в сане патриарха. Сам патриарх Тихон соглашался, якобы, уйти на покой.

Сторонниками компромисса был архиепископ Серафим Александров, впоследствии один из сподвижников митрополита Сергия, и архиепископ Иларион, доложивший, что камнем преткновения для многих обновленцев была личность

Святейшего Патриарха Тихона. Такова газетная версия, неосторожно принятая А.Красновым за чистую монету³².

В ноябре стало ясно, что переговоры между обновленческим Синодом и тихоновцами зашли в тупик. Святейший Патриарх Тихон его окружение отклонили проект обновленцев о созыве нового Собора и об уходе на покой Патриарха Тихона.

На архиепископа Илариона посыпались обвинения в контрреволюции — верное оружие, чтобы справиться с противником. В частности, 23 сентября 1923 года один из лидеров обновленчества, Антонин (Грановский), выступил в «Известиях» с нападками на Илариона в отместку за то, что тот как-то сказал: *«Тихон — наш святейший отец, а Антонин — безблагодатный мужик, гражданин Грановский»*:

«Церковь Христова, простодушие которой эксплуатируют Тихоны и Иларионы и на нем откармливаются, лежала избитою и израненной. Ходили ее путями чванные родовитою преемственностью, стародавними мандатами на благодать — священники и левиты — Тихоны и Иларионы, и от их «патентованного» охаживания ничего, кроме горя и бед, церкви Божией не приходило, а пришли Антонины — обновленцы, которых тихоновцы называют «самарянами», и нашли общий язык и дружбу с революцией, нашли пластыри и стали залечивать церковные раны...»

В ноябре Тучков вызвал к себе лично Святейшего Патриарха Тихона (до этого все переговоры велись Иларионом) и резко потребовал от него принять Евдокима и выработать совместно декларацию о примирении. Патриарх, которого продержали в приемной Тучкова целый день, предложение резко отверг³³.

Через несколько дней после этого (15/28 ноября 1923 года) архиепископ Иларион был арестован вновь³⁴ и по приговору ОГПУ от 7/20 декабря выслан на 3 года на Север (Соловки — Ярославль — м.б. вновь Архангельск — Соловки).

Сначала, в январе 1924 года, он попал на пересыльный Попов остров, а в июне, при открытии навигации, — на Соловецкий, где работал на Филимоновой рыболовной тоне³⁶ в десяти верстах от главного лагеря вместе с еще двумя епископами.

«В конце лета 1925 года из Соловецкого лагеря архиепископ Иларион вдруг неожиданно был изъят³⁷ и отправлен в Ярославскую тюрьму. Весною 1926 года архиепископ Иларион опять был с нами», — писал один из союзников.

В Ярославле Иларион был сначала помещен в политический изолятор — отдельное помещение, где он пользовался относительной свободой и довольно приличными харчами, и где, самое главное, имел возможность читать присылаемые ему книги. Здесь его «навестил» один или два раза Е. Тучков, с тем чтобы склонить архиепископа присоединиться к новому расколу, так называемому, григорьевскому. Заклучив Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра в тюрьму, ГПУ попыталось возглавить Церковь послушным «органом» архиепископом Григорием (Яцковским) и его Высшим Церковным Советом. Видимо, Тучков хотел переходом в раскол такого популярного архиерея, как Иларион, с одной стороны дискредитировать его в глазах одной части массы, а с другой, — усилить григорьевский раскол новыми силами, ибо за архиепископом Иларионом многие могли бы пойти. Но Иларион не поддался на уговоры Тучкова и был переведен в конце февраля 1926 года в Ярославскую тюрьму («Коровники»), где условия содержания были весьма тягостными — в камере находились около двадцати заключенных. И там состоялось еще одно «свидание» Е. Тучкова с архиепископом Иларионом, не давшее Тучкову ожидавшихся им результатов по привлечении его к раскольнической деятельности или к осведомительству, но архиепископа обречшее на второй трехгодичный срок за то, что он кому-то на Соловках рассказал об этих неудачных попытках Тучкова. Впрочем, как утверждают исследователи церковной смуты тех лет, таких попыток Тучкова склонить на свою сторону священноузника, заставив его признать тот или иной раскол, было несколько, но все они окончились ничем. В частности, об этом вспоминает епископ Гервасий, перешедший к обновленцам и встретившийся с архиепископом случайно на прогулке по двору Ярославской тюрьмы: «...У нас с ним зашел спор о «Живой Церкви». Все еще он или по злобе на обновленцев, или заподозривая нас в неискренности церк. Обновления, смешивает нас с живоцерковниками... Только

в заключение или на прощание, вернее, мне сказал: «Я скорее сгнию в тюрьме, но своему направлению не изменю.»³⁹.

И он стался верен своему слову до конца.

Митрополит Мануил также сообщает о безуспешных попытках Е. Тучкова вынудить Илариона поддержать григорианский раскол, о стремлении Илариона уговорить русских архиереев признать курс митрополита Сергия⁴⁰. За его стойкость в борьбе с обновленцами, за его ум и способности он пользовался необычайным уважением даже среди архиереев и получил прозвище Илариона Великого.

В начале апреля 1926 года владыку снова доставили на пересыльный Попов остров, где ему суждено было встретить Пасху в ожидании навигации.

Как поведал ссыльный священник о. Павел Чехранов, Пасха прошла для трех из заключенных — его, епископа Нектария Трезвинского⁴¹ и владыки Илариона, согласившихся с его планом провести ее не на нарах, а вопреки всяким запретам, вне барака, вне всякого сквернословия, — в недостроенной «пекарне с отверстиями для окон и дверей...»

«...Мы прошмыгнули к ней поодиночке...»

— *Начинайте*, — проговорил владыка Нектарий.

— *Утреню?* — спросил владыка Иларион.

— *Нет, все по порядку, с полунощницы*, — ответил владыка Нектарий.

— *Благословен Бог наш...* — тихо произнес владыка Иларион.

— *Волною морскою...* — запели мы...

И странно, странно отозвались в наших сердцах эти с захватывающим мотивом слова:

— *Гонителя, мучителя под землю скрыша...* И вся трагедия преследующего фараона в этой особенной обстановке чувствовалась сердцами как никогда остро...

Пропели полунощницу...

— *Да воскреснет Бог и расточатся врази его...* — не сказал, а прошептал, всматриваясь в ночную мглу, владыка Иларион.

Мы запели «Христос Воскресе...» «Плакать или смеяться от радости», — думал я. И так хотелось нажать голосом чудные ирмосы! Но осторожность руководила нами. Закончили утреню.

«Христос Воскресе!» — сказал владыка Иларион и мы все трое облобызались. Владыка сделал отпуст и ушел в барак. Епископ Нектарий пожелал часы с обедней совершить. И мы совершили вдвоем...»

В мае, с открытием навигации, владыку доставили на Соловки, где к этому времени по благословению архиепископа Евгения (Зернова)⁴² было уже составлено послание в адрес митрополита Сергия, к которому присоединился и владыка Иларион⁴³.

Но они не получили на него ответа, а в 1927 году составили еще письмо по поводу декларации митрополита Сергия, которую признали канонической только отчасти — а именно, в отношении лояльности к советской власти, но не нравственного единства с нею⁴⁴.

В 1928 году сам владыка Иларион якобы напишет: «Что реку о всем. А то, что всем отделяющимся я до крайней степени не сочувствую, считаю их дело совершенно неосновательным, вздорным и крайне вредным⁴⁵. Не напрасно каноны 13—15 Двукратного Собора определяют черту, после которой отделение даже похвально, а до этой черты отделение есть церковное преступление. А по условиям текущего момента преступление весьма тяжкое. То или другое административное распоряжение, хотя и явно ошибочное, вовсе не есть «casus belli»⁴⁶. Точно так же и все касающееся внешнего права Церкви (т.е. касающегося отношения к государственной политике и под.) никогда не должно быть предметом раздора»⁴⁷.

О последнем земном пристанище архиепископа Илариона на Соловках и его окружении там повествует один из бывших эзков — покойный ныне писатель Олег Васильевич Волков⁴⁸:

«...Духовенство на Соловках поголовно зачислялось в роту сторожей... В кладбищенской церкви св. Онуфрия регулярно отправляли службы немногие оставленные на острове монахи.

В двадцать восьмом году (когда был арестован О.В. Волков и попал на Соловки)⁴⁹ еще разрешалось заключенным — духовным лицам и мирянам — посещать эти службы. Православным был отведен храм на погосте...

Вечером закрывали «присутствия» и «рабочая» жизнь лагеря замирала. Удивительно выглядела в это время неширокая дорога между монастырской стеной и Святым озером. Глядя на идущих в рясах и подрясниках, в клобуках, а то и в просторных епископских одеждах, с посохом в руке, нельзя было догадаться, что все они заключенные, направляющиеся в церковь... Мы шли вместе с о. Михаилом⁵⁰. Он тихо называл мне проходящих епископов: преосвященный Петр⁵¹, архиеп. Задонский и Воронежский; преосв. Виктор, еп. Вятский; преосв. Иларион, архиеп. Тульский и Серпуховский... Тогда на Соловках находились в заключении более двадцати епископов⁵²,... сонм священников и диаконов, настоятели упраздненных монастырей.

...Была на Соловках наибольшая группа заключенных филологов... Все филологи считали, что своим водворением на остров они обязаны Юрию Александровичу Самарину, сотруднику их института, исправно несшему службу осведомителя⁵³... Слава Богу, что нет в живых Александра Дмитриевича⁵⁴... Действительно, было чему ужасаться. Род этот и впрямь дал России честнейших общественных деятелей. А. Д. Самарину, отцу Юрия, занимавшему несколько месяцев пост Обер-Прокурора Св. Синода, Николай II предложил подать в отставку: Самарин не устраивал околораспутинскую камарилью. В Петербурге говорили, что с его уходом в правительстве не осталось ни одного порядочного человека... В 17-м году... была выдвинута кандидатура Самарина на московскую митрополичью кафедру. Он не захотел принять постриг — говорили, что из-за дочери Елизаветы, в которой Александр Дмитриевич души не чаял.

Эта удивительная русская девушка едва ли не с пятнадцати лет взялась за полные тягот и опасностей обязанности связной. С монашками из разогнанных монастырей и с верующими женщинами стала ездить по России с одеждой и деньгами, тайно жертвуемыми заточенным и сосланным духовным лицам. И — по стопам воспетых русских женщин — последовала за отцом в Якутскую ссылку...»⁵⁵

Но вернемся к воспоминанию о еп. Иларионе, о котором выше было лишь краткое упоминание. В другом месте О. Волков пишет: «...Иногда Георгий уводил меня к еп. Илариону, поселенному в Филипповской пустыни, верстах

в трех от монастыря. Числился он там сторожем. Георгий уверял, что даже лагерное начальство поневоле относилось с уважением к этому выдающемуся человеку и разрешало ему жить уединенно и в покое... Преосвященный встречал нас радушно. В простоте его обращения было приятие людей и понимание жизни. Даже любовь к ней. Любовь аскета, почитавшего радости ее ниспосланными свыше... Приветливый хозяин, принимающий приуставших с дороги гостей. И был так непринужден, так славно шутил, что забывалось об его учености и исключительности, выдвинувших его на одно из первых мест среди тогдашних православных иерархов. — «...Надо верить, что Церковь устоит, — говорил он. — Без этой веры жить нельзя. Пусть сохраняются хоть крошечные, еле светящиеся огоньки — когда-нибудь от них все пойдет вновь. Без Христа люди пожрут друг друга. Это понимал даже Вольтер... Я вот зиму тут прожил, когда и дня не бывает — потемки круглые сутки. Выйдешь на крыльцо — кругом лес, тишина, мрак. Слово конца им нет, словно пусто везде и глухо... Но «чем ночь темней; тем ярче звезды...» Хорошие эти строки. А как там дальше — вы должны помнить. Мне, монаху, в пору писание знать».

Илариону оставалось сидеть около года. Да более двух он провел в тюрьме. И сомневаясь, что будет освобожден до окончания срока, он [все же — С.Г.] готовился к предстоящей деятельности на воле... Преосвященный был глубоко озабочен: что внушать пастве в такие грозные времена? Епископ православной Церкви должен призывать к стойкости и подвигу. Человека же в нем утешало предвидение страдания и гонений, ожидающих тех, кто не убоится внять его наставлениям.

Тогда же укрепилась «живая» церковь — красная, как ее прозвали, непостижимо примирявшая Христа с властью Антихриста. Соблазны живоцерковников таили величайшую опасность для веры. Именно ее судьба тревожила владыку. О себе он не думал и был готов испытать любую чашу.

Мы не засиживались, зная, как осаждают посетители нашего хозяина. Друзья старались ограничить их наплыв. Популярность Преосвященного настораживала начальство, и можно было опасаться расправы. Через Георгия Илариона

поддерживал связь с волей, и тот приходил к нему с известиями и за поручениями.

И короткая беседа с Иларионом ободряла. Так бывает, когда общаешься с человеком убежденным, умным и мужественным. Да еще с таким стойким... В октябре 1929 года на Соловках прошли массовые расстрелы заключенных, так что когда осенью 1931 года О. Волков вторично⁵⁶ был туда доставлен, он никого не встретил из прежних своих друзей.

«Силе, исходившей от всегда спокойного, молчаливого владыки Илариона, не могли противостоять и сами тюремщики, — писал другой соловчанин⁵⁷, — в разговоре с ним они не позволяли себе непристойных шуток, столь распространенных на Соловках, где не только чекисты-охранники, но большинство уголовников считали какой-то необходимостью поиздеваться над «опиумом». Нередко охранники, как бы невзначай, называли его владыкой. Обычно же — официальным термином: «заключенный»... Владыка всегда избирался в делегации к начальнику острова Эйхмансу, когда нужно было добиться чего-либо трудного, и всегда достигал цели. Именно ему удалось добиться, чтобы духовенство сконцентрировали в 6-й роте, получить для него некоторое послабление режима, перевести духовных всех чинов на хозяйственные работы, где они показали свою высокую честность; он же отстоял волосы и бороды духовных лиц при поголовной стрижке во время сыпнотифозной эпидемии. В этой стрижке не было нужды: духовенство жило чисто. Устраивая других на более легкие работы, владыка не только не искал должности себе, но не раз отказывался от предложений со стороны Эйхманса, видевшего и ценившего его большие организаторские способности. Он предпочитал быть простым рыбаком. Думается, что море было близко и родственно стихийности, непомерности натуры этого иерарха...»

Писатель Б. Ширяев далее описывает подвиг Илариона, организовавшего из своих собратьев по Соловкам команду для спасения другой шлюпки с четырьмя рыбаками, затертыми мелким льдом в открытом море. Вот этот рассказ.

«... Когда первое дыхание весны рушит ледяные покровы, Белое море страшно. Оторвавшись от матерого льда, торосы в пьяном веселье несутся к северу, сталкиваются и

разбиваются с потрясающим грохотом, лезут друг на друга, громоздятся в горы и снова рассыпаются.

Редкий кормчий решится тогда вывести в море баркас — неуклюжий, но крепкий поморский баркас, разве лишь в случае крайней нужды. Но уж никто не отчалит от берега, когда с виду спокойное море покрыто серою пеленою шуги — мелкого плотно идущего льда. От шуги нет спасения! Крепко ухватит она своими белесыми лапами и унесет туда, на полночь, откуда нет возврата.

В один из сумеречных туманных апрельских дней, на пристани, вблизи бывшей Савватиевской пустыни, в неурочный час стояла кучка людей. Были в ней и монахи, и чекисты охраны, и рыбаки из каторжан, в большинстве духовенство. Все, не отрываясь, вглядывались в даль. По морю, зловеще шурша, ползла шуга.

— Пропадут ведь душеньки их, пропадут, — говорил одетый в рваную шинель старый монах, указывая на еле заметную, мелькавшую в льдистой мгле точку, — от шуги не уйдешь...

— На все воля Божия...

— Откуда бы они?

— Кто их знает? Там быстринка проходит — море чистое, ну и вышли несмышленные, а водой-то их прихватило и в шугу занесло... Такое бывает.

Начальник поста, чекист Конев, оторвал от глаз цейсовский бинокль.

— Четверо в лодке. Двое гребцов, двое в форме. Должно сам Сухов.

— Больше некому. Он охотник смелый и на добычу завистливый, а сейчас белухи идут. Они по сто пуд бьют. Каждому лестно такое чудище взять. Ну и рисканул!

Белухами на русском севере называют почти истребленную морскую корову — крупного белого тюленя.

Так не вырваться им, говоришь? — спросил молодой чекист.

— Случая такого не бывало, чтоб из шуги на гребном баркасе вышли. Большинство стоявших перекрестилось. Кое-кто прошептал молитву...

— Да, в этой каше и от берега не отойдешь, куда уж там вырваться, — проговорил чекист, вытирая платком

стекла бинокля. — Амба! Пропал Сухов! Приши полкового военкома в расход!

— Ну, это еще как Бог даст, — прозвучал негромкий, но полный глубокой внутренней силы голос. Все невольно обернулись к невысокому плотному рыбаку с седоватой окладистой бородой.

— Кто со мною, во славу Божию, на спасение душ человеческих? — ...продолжал рыбак, обводя глазами толпу, зорко вглядываясь в каждого.

— Ты, отец Спиридон, ты, отец Тихон, да вот этих соловецких двое... Так и ладно будет. Волоките карбас на море!

— Не позволю! — вдруг взорвался чекист. — Без охраны и разрешения начальства я в море не выпущу!

— Начальство вон оно, в шуте, а от охраны мы не отказываемся. Садись в баркас, товарищ Конев!

Чекист как-то разом сжался, обмяк и молча отошел от берега.

— Готово?

— Баркас на воде, Владыка!

— С Богом! — Владыка стал у рулевого правила, и лодка, медленно пробиваясь сквозь заторы, отошла от берега...

Спустились сумерки. Их сменила студеная, ветреная соловецкая ночь, но никто не ушел с пристани. Забегали в тепло, грелись и снова возвращались. Нечто единое и великое спаяло этих людей. Всех без различия, даже чекиста с биноклем. Шепотом говорили между собою, шепотом молились. Сомневались и верили...

И лишь тогда, когда солнце разогнало стену прибрежного тумана, увидели возвращавшуюся лодку и в ней не четырех, а девять человек. И тогда все, кто был на пристани, — монахи, каторжники, охранники, все без различия, крестясь, опустили на колени.

— Истинное чудо! Спаси Господь!

— Спас Господь! — сказал и владыка Иларион, вытаскивая из карбаса окончательно обессиленного Сухова.

Пасха в том году была поздняя, в мае⁸⁸, <...> и я, состоявший тогда по своей каторжной должности в распоряжении военкома Особого Соловецкого полка Сухова,

однажды <...> шел с ним мимо того распятия, в которое когда-то он выпустил оба заряда.

Капли весенних дождей и таявшего снега скоплялись в ранах-углублениях от картечи и стекали темными струйками. Грудь распятого словно кровоточила.

Вдруг, неожиданно для меня, Сухов сдернул буденку, остановился и торопливо, размашисто перекрестился.

— Ты смотри... Чтоб никому ни слова... А то в камере сгною! День-то какой сегодня, знаешь? Суббота... Страстная...

В напозавших белесых соловецких сумерках смутно бледнел лик Распятого Христа, русского, сермяжного, в рабском виде и исходившего землю Свою и здесь, на ее полуночной окраине, расстрелянного поклонившимся Ему теперь убийцей... Мне показалось, что свет неземной улыбки скользнул по бледному Лику Христа.

— Спас Господь! — повторил я слова владыки Илариона, сказанные им на берегу...»

...Постепенно подходил к концу и второй трехлетний срок соловецкого пребывания владыки Илариона, который, судя по письмам, надеясь на Промысел Божий о нем, не унывал и чувствовал себя вполне сносно.

«Живу я все по-прежнему, вполне благополучно, без нужды и горя, — писал он 22 августа 1929 года. — Никуда не трогаюсь с места. Вот уже 2 года, как я живу в одном и том же доме, среди леса, между морским заливом и озером. Север, однако, надоел мне в достаточной мере. В этом году остались без лета... Прошу тебя ничего мне не посылать, т.к. ни в чем нужды у меня нет...»

Однако 14 октября Особое Совецание ОГПУ приговорило его к новому испытанию — к ссылке в Алма-Ату, которую можно было достигнуть поэтапной перегонкой через несколько тюрем. Но, по словам митрополита Мануила, заразившись уже при отъезде с севера сыпным тифом, он больным 4 декабря пренехал в Ленинград и скончался в тюремной ленинградской больнице (в «Крестах»), где доктора и сестры приняли самое горячее участие и каждый день сообщали митрополиту Серафиму о состоянии больного. Но все было бесполезно. Был торжественно отпет митрополитом

Серафимом Чичаговым, который выпросил его тело, и другими архиереями в храме Новодевичьего монастыря и погребен на его кладбище в Ленинграде.

Когда он скончался, то при отпевании в согбенном и седом старичке, покоившемся на сметном ложе, нельзя было найти, по мнению некоторых, что-либо общего с величественной фигурой архиерея начала 20-х годов.

В отпевании участвовал и специально приехавший из Москвы его друг проф. МДА прот. Владимир Страхов, который, как он потом говорил своим прихожанам, подобно ап. Фоме, хотел лично удостовериться в смерти Владыки и отдать ему последнюю дань⁵⁹.

ОБЗОР ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ ВЛАДЫКИ ИЛАРИОНА

Архиепископ Иларион оставил после себя большое количество публикаций (около 100). Среди них теме «Церковь» в догматическом и иных планах посвящено более двадцати. Они включают его магистерскую работу (26)⁶⁰, ряд статей (12, 13, 21, 22, 24, 25, 31), вошедших в нее или связанных с ней, и несколько очерков (10, 46, 52, 53, 54, 65), касающихся этой, можно сказать центральной, темы его творчества, а также ряд полемических статей против католицизма (33, 59, 60, 61, 62, 64), протестанства (70) и толстовского учения (35).

Вопросам догматики, выходящим за эту тему, посвящены только две небольшие статьи — по поводу учебника Н.Малиновского (51) и некоторых новых богословских взглядов на искупление (82).

Почти столько же у него церковно-публицистических очерков (№№ 2, 8, 14, 18, 28, 48, 65, 67, 69, 70, 71, 72, 74, 80, 81, 84), затрагивающих: вопросы духовной школы (18, 28), политику (2), социальные учения (8), благотворительность (14), прогресс (48), войну (69), немецкое влияние в нашем богословии (69), монашество (65, 71), безрелигиозность интеллигенции (74), вопросы экумены (81), проблему патриаршества (84).

Несколько апологетических работ (№№ 15, 17, 30, 39).

Лишь две небольшие работы (77, 78) (о Новом Завете в апостольское время и во II веке) посвящены Иларионом темам своего курса лекций, и две (3, 5) — ветхозаветным

пророкам и священникам.

Немало слов, речей и поучений (№№ 6, 29, 36, 37, 42, 43, 44, 47, 66, 68, 75), в том числе надгробных и мемуарных (32, 45, 63, 76, 86), посвященных А.И.Введенскому, П.М.Цветкову, А.А.Спасскому и М.Д.Муретову.

Три агиографических (55 - 57) и три библиографических очерка (1, 10, 16) и несколько статей из области церковной хроники (4, 7, 11, 34, 42а, 83, 85) и две об академическом храме (41, 49).

Творчеству архиепископа Илариона и анализу его экклезиологии, особенно в связи с экуменой, посвящены: отдельные разделы магистерского сочинения архиепископа (ныне экзарха на Украине в сане митрополита) Владимира (Сабодана), статьи свящ. Вл.Цыпина, Б.С.Бакулина, курс соч. Савы Марина⁶¹ и др. лиц, отчасти использованные в настоящем очерке.

Как уже было отмечено, центральной темой научного творчества архиепископа Илариона еще со студенческой скамьи была Восточная Православная Церковь.

Основные моменты во взглядах архимандрита Илариона (Троицкого) на Церковь, приведенные им в «Очерках по истории догмата о Церкви» и в статье «Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету», излагает архиепископ Владимир в своей магистерской работе на сс. 254 - 314:

«...Сущность Церкви определена в словах первосвященнической молитвы И.Христа, и на основе ее Вл.Троицкий дает лаконичное, и в то же время всеобъемлющее определение Церкви: «Церковь — есть сверхъестественное соединение возрожденных Богочеловеком людей в союз любви» («Очерки», с. 6).

Она отлична поэтому от всяких земных организаций, основанных на внешнем авторитете, власти или принуждении (или даже добровольном согласии — добавим мы). Церковь не знает национальных, пространственных и временных границ.

Вместе с тем, земная Церковь есть общество спасающихся, в котором есть еще несовершенные члены⁶².

Далее В.Троицкий проводит параллели между Ветхозаветными и Новозаветными экклезиологическими понятиями: Кагал Ягве — Церковь, кадош — святые (народ святой, избранный Богом, что говорит о сознании единства в Боге

в древнейшей Новозаветной Церкви). И далее на основе посланий ап. Павла автор раскрывает эволюцию понятия Церкви в истории первохристиан (отмена Моисеева законодательства, национальных границ и т. д.). Созидает же Церковь Дух Святой, посылающий различные дары членам Церкви, и объединяющий их в один организм, в одно тело, главой которого является Христос.

Важно то замечание автора, что под образом Христовой Невесты может быть понимаема только единая Церковь Христа (с. 49), притом не как умозрение, но как реальный факт (с. 60).

Далее автор излагает борьбу за Церковь против евионитов и гностиков — «масонов древности» (по выражению Болотова), которые искали таинственного откровения, доступного только «пневматикам» (духовным, а не плотским и душевным). В борьбе с ними зародилась христианская наука о догматах. «Гностицизм был причудливым смещением христианства с эллинской философией и с мифологическими воззрениями, ассимилированными от восточных культов и мистерий, был плодом их синкретизма. Поскольку гностицизм был основан на эклектике, смещении разнородных элементов, то и гностических систем было множество.

Христианство как бескомпромиссная божественная истина не допускает никакого эклектизма»⁶³. Истинно только то, что хранится в Церкви. «Правило веры» — объединяет и связывает всю Церковь и является одним из главных обнаружений ее истины. «Желая быть софистами более, чем ученики истины, еретики без Церкви, без матери, без отечества блуждают и попадают в не замечаемую ими яму неведения», — цитирует Иларион св. Иринея⁶⁴.

В борьбе с гностицизмом для сохранения неповрежденности предания и при определении истинности учения Церкви был установлен принцип церковной традиции, апостольского предания и преемственности епископата — хранителя истины в силу присущей ему харизмы⁶⁵.

Следующий этап в развитии Церкви — эпоха дисциплинарных споров вокруг приема в Церковь однажды отпавших от нее — привел к определению понятия святости Церкви. «Святость Церкви не состоит в однажды установленной святости ее членов, а в том, что они вступили на путь свя-

тости. С этим тесно связан вопрос о прощении согрешивших. Монтанизм в лице Тертуллиана, считавшего тяжкий грех неизгладимым путем покаяния и потому не подсудным Церкви, но самому Богу, принижал таким образом Церковь («после смерти простить его может только один Господь»). Но основное, что отделяло Церковь от монтанистов, было их мнение, что только им доступно откровение свыше. В результате дискуссий на эту тему Церковь отвергла экстатическую форму монтанистских пророчеств и дала критерий харизматических пророчеств и дарований: верно все то, что не противоречит Слову Божию и апостолам.

В противоположность монтанистам Церковь признала законную власть за епископами, как наследниками апостолов, а не за харизматиками.

Если для Западной Церкви грех — это преступление (по-преимуществу), то для Восточной — это духовная болезнь, и ее надо лечить путем аскетического воздержания себя и очищения сердца, и Церковь — это лечебница для больного грехом человечества⁶⁶. Так же и в отношении власти: если суждения иерархической власти не всегда безошибочны, то могут быть невинно или несправедливо осужденные. И хотя вне Церкви нет спасения, то и в Церкви возможна гибель»⁶⁷. Затем В. Троицкий присоединяется к учению еп. Киприана Карфагенского по вопросу о самодовлеющей роли епископа в образовании Церкви («Кто не с епископом, тот не в Церкви»), о единстве церковной общины во главе с епископом, о том, что вне Церкви нет Христа. «Тот не может иметь отцом Бога, кто не имеет матерью Церковь»⁶⁸.

Внешнее единство Церкви проявляется больше всего в единстве епископата. Собор епископов есть главный орган единства Церкви, все епископы равны между собой, и «ни один не может быть поставлен выше другого, тем более власти целого Собора» (с. 287). «Но значение Собора не есть юридическое. Каждый отдельный епископ не обязан безусловно подчиняться всем соборным решениям. Между епископами возможны различные мнения, возможна и различная церковная дисциплина в разных Церквях. Церковь не требует полного единообразия во всем и единство ее не нарушается при разной церковной практике, если есть самое

главное — мир и любовь между епископами, и их согласие с евангельским началом и апостольским преданием» (с. 287).

Далее В. Троицкий излагает взгляды епископа Киприана по вопросу святости Церкви, что является центром всей его экклезиологии. Церковь свята святостью божественной, согрешивший, больной брат не отсекается от нее навсегда, но через покаяние возвращается к ней. Вне Церкви нет спасения, но и притворное покаяние, принятое епископом за искреннее, может не послужить ко спасению, т.к. помимо епископского суда есть еще и Божий суд на небесах. Церковь, сверх того, дает силу и воздерживаться от греха, и нравственно расти. Таинства вне Церкви не состоятельны, в т.ч. и крещение (как у раскольников, так и у еретиков), так и рукоположение и др. Благодетельные христиане имеют право отвернуться от явно грешного священника, т.к. через него трудно воспринять благодать Божию. Далее излагаются еще ряд моментов из учения епископа Киприана (с. 293), Оптата и блаж. Августина, которые были менее строги при приеме в Церковь отпавших при гонении на нее, при рассуждении о падших священниках, считая, что их грех несколько не может умалить совершенные ими таинства. А отсюда вытекало, что таинства действительны и вне Церкви, но зато они там служат не во спасение, а в погибель. Так что отделение от церкви все равно в погибель (с. 301).

Заканчивая на этом обзор «Очерков...» В. Троицкого, архиепископ Владимир цитирует фрагменты отзыва об этой работе проф. Муретова, среди которых были не только положительные (приведенные нами ранее). В одном из них, в частности, отмечалось, что «автор не выяснил прежде всего догматической первоосновы и мистической сущности Церкви, без чего все исторические экскурсы в область канонического права, церковной дисциплины и ересеологии остаются столь же мало уяснимы, как тело без души... ибо «Церковь живет духовно-телесной жизнью, исторически развивается в меру возраста совершенного и органически возрастает в новочеловечество по Богочеловечеству».

Теме Церкви посвящено Иларионом много статей, напечатанных им, в основном, в «Богословском Вестнике» в 1912 - 1917 годах или в «Христианине». Суть его экклезиологии составитель незавершенного, к сожалению, богослов-

ского словаря Б.С.Бакулин⁶⁹ видит в том, что он противопоставляет государству, основанному на юридических правах, якобы защищающих эгоистические стремления людей и потому разделяющих их друг от друга, — Церковь, основанную Иисусом Христом на началах любви, начале, объединяющем, а не разделяющем людей. При этом Церковь — это именно видимое общество людей, хотя и соединенных своим единством во Христе — по образу Св. Троицы. Бакулин усматривает в этом противоречие: 1) Иларион сводит «всю несказанную глубину содержания Церкви к одной видимой ее стороне, т.е. к видимому обществу верующих во Христе», объединенных в Церковь, как социальный институт, на основе правовых, канонических норм, 2) с другой стороны — это единство относится именно к внутренней, невидимой стороне Церкви — как к Телу Христову, об этом определении ап. Павла Иларион вообще умалчивает. Критикуя основы мирского общества — право и власть, — Иларион умалчивает о церковном праве и власти. «Илариону кажется понятие о двуединстве Церкви, о двойственной ее природе неправославным, хотя он прямо об этом нигде не говорит» (с. 194), и далее отмечается неустойчивость Илариона в определении Церкви как таковой, которую он определяет в 3-х разных формулировках.

Архим. Илариону принадлежит несколько церковно-публицистических статей, таких как «Христианства нет без Церкви», «Богословие и свобода Церкви», «О задачах освободительной войны в области русского богословия», «Почему необходимо восстановить патриаршество?» (речь на Соборе), «Грех против Церкви» (думы об интеллигенции), «Единство Церкви и всемирная конференция христианства» (БВ, 1917, № 1) и другие.

В частности, в сентябрьском номере «Богословского Вестника» за 1915 год в статье «Церковь и свобода» архим. Иларион, по словам проф. А.Беляева, бранит засилье католицизма в XVII веке, светской власти в XVIII веке, догматику митр. Макария и схоластику, требует выбросить слова: «удовлетворение», «заслуга» из учения о спасении, которое он признает душой богословия, а душой веры — спасение. Хлестко, но поверхностно, — отмечает А.Д. Беляев в своем дневнике за 2 января 1916 года.

Пolemический задор Беляев отметил у Илариона еще раньше. Разбирая догматику Малиновского в 6 - 8 номерах «Богословского вестника» за 1914 год Иларион, по мнению проф. А. Беляева, «преувеличивал вины вместо смягчения, изыскивал и с ядовитостью подчеркивал ошибки».

Также и проф. М.М. Тареев, как отмечал еще С.Н.Постников, писал: «Для его полемических задач выгодно представлять дело так, что всякая теория христианства неизбежно ведет к толстовщине и сектантству, но такое упрощение вопроса не лучше толстовской нетовщины и не выше приемов старообрядческого начетничества... Требуется мышление потоньше и поглубже, чем для апологии Церкви от внешних приражений...» («Философия жизни», 1916 год, с. 265).

Важное место в оценке взглядов архим. Илариона по вопросу соединения Церквей занимают последние из перечисленных статей — «Единство Церкви...».

Надо сказать, что работы архим. Илариона выдвинули его в число заметных русских богословов-экклeзиологов, и как такового его подключили к участию в диалоге, который возник между Харьковским архиеп. Антонием (Храповицким) и секретарем комиссии для устройства мировой конференции христианства Робертом Гардинером. Последний высказал характерное для протестантского Запада воззрение на единство Церкви, согласно которому все христиане, верующие во Иисуса Христа и правильно крещенные, составляют единую Христову Церковь, несмотря на существование частных Церквей и догматических отличий в их учениях, которые лишь ослабляют единение, но не разрушают его.

В связи с этим архим. Иларион (Троицкий) и написал брошюру «Единство Церкви и всемирная конференция христианства» (С.П. 1917 год), которую мы кратко изложим, воспользовавшись трудом архиеп. Владимира (с. 304 - 314).

В этой работе архим. Иларион утверждает, что догматические различия не столь уж важны, как факторы разделения, ведь большинство верующих вообще не знает догматов; что причина — в факте отпадения Запада от Церкви; что на Западе, по Илариону, вообще нет уже Церкви с 1054 года, т.к. отпадение от Церкви значило, мол, и отпадение вообще от Христа — главы Церкви и от христианства — вообще. Теперь можно лишь говорить об обращении Запада к Церк-

ви, которая одна, святая, соборная и апостольская, а именно Православная Церковь, вне которой и таинства не действительны, и положения блаж. Августина о действительности таинства (но к погибели!) являются ложными, ошибочными. Далее Троицкий ведет длительные рассуждения о возможных чинах приема в Церковь на основе исторических примеров, что прием без крещения, например, через помазание миром, отпавших от Церкви мог быть лишь условным, в ожидании снисхождения спасающей благодати по соединении кающегося с Церковью. «Имевшие место случаи принятия латинян третьим чином, есть, по Илариону, временный и местный обычай Русской Церкви, вошедший с Петра Могилы... они стоят в противоречии со всем прежде бывшим русским церковным законодательством по этому вопросу и не согласны с авторитетным церковным мнением выдающихся церковных мыслителей, например, А. Хомякова...»⁷⁰, который писал, что «...все таинства могут окончательно совершаться лишь в недрах Православной Церкви, в какой форме — это дело второстепенное. Примирением с Церковью таинство возобновляется или довершается в силу примирения; несовершенный еретический обряд получает полноту и совершенство Православного Таинства...»⁷¹.

Внешне ригористичный взгляд архим. Илариона получает, таким образом, неожиданный оборот, так что, в частности, «вся англиканская иерархия может быть немедленно принята в сущем сани без всяких ученых исследований... «Преградой единению» следует считать современную обычную неправильную постановку вопроса, при которой на исторических фактах желают утвердить догматическую истину, вовсе с ними не связанную. Выше всего должно быть поставлено единение с Церковью. Для прилепляющегося к Церкви не должно быть важно, кем он был, ...важно и спасительно, что он, соединяясь с Церковью, становится членом Тела Христова»⁷².

По словам архиеп. Владимира, Троицкий «безусловно был верен Православию, как спасительному достоянию, дошедшему до нас из глубины веков. Он синовне дорожил им... но он знал христианский Запад издалека⁷³... не чувствовал его трагедии, не переболел его мукой, до конца не пережил боль разрыва: психологически он не был готов к встрече с ним... Промыслом Божиим это было дано другим...»⁷⁴.

Свящ. Владислав Цыпин в своей работе «К вопросу о границах Церкви»⁷⁵, используя упомянутый труд⁷⁶ и магистерскую диссертацию архим. Илариона, считает некоторые его выводы ошибочными или спорными по вопросу о сохранении великих грешников и схизматиков в ограде Церкви⁷⁷.

По словам Цыпина, Иларион в своих экклезиологических построениях, как и архиеп. Антоний (Храповицкий) принадлежал к богословам, находившимся под сильным влиянием А.С. Хомякова, но еще решительнее, чем последний, писал о полном оскудении благодати в Западных Церквях. Цыпин подвергает критике его жесткую позицию по отношению к последним. Подобную позицию он уже занял в одной из ранних своих работ — в статье «Христианство и Церковь»⁷⁸, состоящей из 2-х частей.

В первой части автор, тогда еще Владимир Троицкий, сказав о единстве христиан по образу единства Св. Троицы, основанном на первосвященнической молитве И. Христа, на обещании Его создать Церковь (Мф. 16, 17), свершившемся сошествием Св. Духа на апостолов в Сионской горнице, и на учении ап. Павла о Церкви, как о Теле Христовом, провозглашает тезис: «Вне Церкви и без Церкви невозможна христианская жизнь», ибо тогда «остается одно христианское учение — т.е. пустой звук» (!? — С. Г.)⁷⁹.

Далее В. Троицкий кратко охарактеризовал как неустойчивый протестантский подход к учению о Церкви (с. 76 - 77) и противопоставил ему учение древних отцов: св. Киприана и блаж. Августина, с указанием различий их учения о Церкви. Утверждает полное тождество понятий христианства и Церкви. «Быть христианином — значит принадлежать к Церкви, ибо христианство есть именно Церковь, и вне Церкви христианской жизни и нет, и быть не может» (с. 85). Христианство и Церковь не совпадают друг с другом тогда, когда под христианством мы будем понимать сумму каких-то теоретических положений, ни к чему никому не обязывающих. Но такое понимание христианства можно назвать только бесовским. Христианами тогда следует признать и бесов, которые тоже веруют и трепещут...».

2-я часть заключает рассуждения автора об искажении идеи Церкви в католичестве, протестантизме, об отходе от

Церкви, замене ее бесцерковным христианством, о значении некоторых догматов, о Давиде Штраусе, Л. Толстом и толстовстве, о некоторых взглядах А.С. Хомякова (с одобрением их) на экуменизм (с. 296); отрицательно относится к критике церковной действительности (с. 305). Заканчивает автор призывом признать, что Христос создал Церковь, и в ней искать спасения, и не отделять христианство от Церкви»⁸⁰.

В небольшой публикации «Единство идеала Христова (Письмо к Другу)»⁸¹ автор убеждает в единстве аскетических требований монахов и мирян на их пути к Христу.

В итоге он заключает: «Монашество никакого нового христианства не создает... Думать, что миряне могут достигать лишь средних ступеней, а высшие доступны лишь монахам, — я считаю нелепым. ...Каждый избирает тот путь, который он считает для себя более удобным»⁸².

«Обеты монашеские повторяют обеты общехристианские (данные при крещении) только по их моральной сути, но со стороны формальной в них есть нечто и новое. Это новое автор видит в конкретной монашеской дисциплине, связанной с порядками в том или ином монастыре, где постригаемый будет спасаться. Далее Иларион излагает, в общем, распорядок для монаха, располагающий его к спасительному в духовном плане времяпрепровождению в трудах (послушании) и молитве, и вообще живописует и, пожалуй, идеализирует жизнь монахов, защищая их от поруганий со стороны «интеллигентов». Сквозь все «Письмо» просвечивает призыв к принятию монашества.

«Письма о Западе» архим. Илариона, также как и предыдущее сочинение, построены в форме писем к некоему Другу. В этих «письмах» автор проглядывает безграничным русофилом и антизападником. Ему не по сердцу, например, призыв Г. Рачинского на собрании религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева «не сражаться... с древней и достопочтительной культурой Германии» или кн. Е.Н. Трубецкого — «не возрождать национальную гордыню и не поклоняться России, как идолу», ему больше нравятся такие «обобщения», как, например, В. Эрн «от Канта к Крупну»⁸³.

Во втором письме — «Славянство» — автор выражает свою печаль по поводу разъединения славян в языке и религии (православие и католичество) и необходимости прибегать

к языку врагов — немцев — для общения с сербами, поляками, болгарами и др. славянами и особенно по поводу того, что многие славяне и частью православные выступают на стороне Германии.

Одну из причин разъединения он видит в том, что русские ездят в чуждый по духу Берлин и Париж, минуя Софию, Белград, вообще славянские земли, что в программах наших школ совершенно не уделяется внимание истории и культуре южных славян.

В 3-м письме — «Кельнский собор»⁸⁴ — архим. Иларион, признавая притягательную силу архитектуры, разочарованно пишет о холодной пустоте интерьера готических храмов, где, по его словам, «недостает Бога, ... святости, ... жизни». «Готика — это схоластика в камне»⁸⁵. «Жуть и мечтательность», навеваемые готическим собором, архим. Иларион увязывает и с мечтательностью, по его словам, Франциска Ассизского. Еще больше недоумения вызывают в нем случаи исполнения концертов в храмах.

Особенно ярко православный патриотизм проступает у архимандрита в 4-м письме («О богослужении»), когда он с восторгом пишет, что «наш Типикон — книга больше тысячи страниц» (в сравнении с доской с цифровыми указателями для богослужебных песнопений в одном из протестантских храмов — С. Г.). И далее: «Вспомни, как у Лескова тульский кузнец, побывавший в Лондоне, говорит о преимуществах православной веры: «Наши книги не в пример толще». «Очень умное и совершенно справедливое суждение!» — замечает Иларион. Далее о. Иларион защищает наш толстый Типикон, считая, что «он роднит нас со всею Вселенскою Церковью»⁸⁶, что Типикон обогащает и украшает наши службы⁸⁷. Справедливо восторгается красотой и богословием наших служб (забывая, однако, что даже читаемый Апостол трудно понять и разобрать, не то чтобы понять исполняемые хором стихиры, за исключением неменяющихся, конечно — С. Г.), восхищается монастырскими и древнерусскими напевами, возмущается дурными напевами разных композиторов, поносит жалобное пение на Западе «с каким-то рабским духом», где «в сфере религии воспитался именно рабский дух», ... а православие — вера не рабов, но свободных, не наемников, но сыновей: не преступников, с трепетом

ждущих казни, но воинствующих на греховные страсти подвижников, которым уготовляются на небесах венцы нетления».

Собственно, православному богослужению посвящена Вл. Троицким лишь одна работа — статья «История плащаницы»⁸⁸, где речь идет вовсе не о Туринской плащанице, как можно было бы подумать, а о 2-х богослужебных символах подлинной Плащаницы:

1-м — ежедневном, роль которого почти 15 веков играл илитор, а теперь вместо нее — антиминс, возникший относительно недавно⁸⁹, и

2-м символу, используемому раз в году, — плащанице, выносимой в Великую Пятницу. В. Троицкий прослеживает историю их употребления по многим греческим и русским памятникам, включая и изданные А.П. Голубцовым чиновники и др. исследования.

Статья архим. Илариона «О жизни в Церкви и о жизни Церковной»⁹⁰ написана по поводу письма Уфимского еп. Андрея к пастырям своей епархии, в котором он, по словам архим. Илариона, цитируя упомянутую ранее статью Илариона из журнала «Христианин»⁹¹ или ее разработку — книжку о. Илариона «Христианства нет без Церкви», искажает содержание последней или недооценивает ее богословское значение (напр., положение, что христианства нет без Церкви).

Архим. Иларион лишь частично соглашается с мнением еп. Андрея, что причина сектантства — в недостатках и пороках русской церковной жизни. Другую причину он видит в ложном понятии, что спастись можно и без Церкви.

Не соглашается архим. Иларион и с тем, что не нужен научно-богословский подход к решению проблем разброда среди Церкви.

Опровергает неверный вывод, будто он (Иларион) видит живую церковную жизнь только в монастырях.

Считает первоочередной задачей подъем морального и духовного уровня пастырей, а вопрос реформы считает второстепенным, хотя и необходимым также, и особенно необходимо поднять церковность средней и высшей духовной школы. Архим. Иларион приводит пример из своего выпуска: лишь 4 монаха и 2 священника из выпуска в 47 человек (т.е. приблизительно 12%).

В заключение рассмотрим одну из работ архим. Илариона по курсу его лекций. В статье «Новый Завет во 2-ом веке»⁹², архим. Иларион касается по преимуществу его использования двумя лицами: еретиком Маркионом и Монтаном, в защиту которого писал Тертуллиан. Маркион полностью противопоставлял Новый Завет Ветхому, отрицая последний. Из четырех евангелий признавал лишь евангелие от Луки с некоторыми переделками, из апостолов — только ап. Павла.

Монтан был экстафиком, родом из Фригии, где был силен иступленный восточный культ, вроде Кибелы. Монтан и его последователи считали себя носителями особого Духа Параклита, который позволял им говорить больше того, чем сказал Христос. Они выступали с новым откровением.

Таким образом, Маркион сокращал канон священных книг, а Монтан стремился его расширить за счет вещданий экстафических (экзальтированных) пророков и пророчиц.

Были и другие источники легендарного характера, особенно у гностиков. Каждая их секта имела свои предания: то от Иакова, брата Господня, то от ап. Филиппа, или от ап. Матфея, избранного вместо Иуды и прочих лиц.

Затем архим. Иларион обращается к позиции, занятой св. еп. Иринеем Лионским по отношению к числу евангелий. На основе символики (4 части света, 4 лица у херувимов, 4-х Заветов — до потопа и после, при Ное, при Моисее и Иисусе Христе) он утверждает каноничность лишь четырех евангелий.

Из полемики с Маркионом и др. источников видно, что св. Ириной не считал «Послание к евреям» за Павлово⁹³, хотя знал, очевидно, его, зато Апокалипсис считал вполне каноничным, также 3 послания ап. Иоанна Богослова, одно — ап. Петра, и, может быть, послание Иуды, а также «Пастырь» Ермы⁹⁴.

На этом мы заканчиваем обзор деятельности и научных трудов одного из выдающихся иерархов нашей Церкви, борца за ее сохранение и ее авторитет. Некоторые научные труды его используются и современными русскими богословами в определении их позиции в экуменическом движении⁹⁵.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О курсовом сочинении студента МДА из Румынии Саввы Марина «Критика принципов Западной богословской школы в трудах архиеп. Илариона Троицкого», написанном в 1963 - 66 годах, т.е. в годы «раннего экуменизма» Русской Православной Церкви.

Работа построена на использовании весьма значительного количества работ архим. Илариона и содержит:

1. Предисловие.

2. Очерк жизни и творчества (с. 6 - 21) и четыре главы исследования:

Гл. 1. Критика принципов Западных исповеданий о Церкви:

а) Церковь — видимое общество христиан, живущих в любви и единомыслии, отклонение западных христиан от этого взгляда;

б) критика римского примата.

Гл. 2. Критика учения западных христиан о христианстве:

а) нет христианства без Церкви — по мысли Илариона и б) нет Истины без Церкви.

Гл. 3. Критика западных учений о Св. таинствах:

а) Таинства недействительны вне Церкви;

б) Крещение действительно только в Церкви;

в) Единение людей в Церкви особенно совершается через таинство Св. Евхаристии;

г) Таинство покаяния правильно совершается лишь в Церкви;

д) Иерархия установлена И. Христом через св. апостолов.

Гл. 4. Критика (их) учений об искуплении и спасении:

а) Сын Божий спас род человеческий не только своей смертью, но и воплощением и Своей жизнью;

б) благодатная жизнь существует только в Церкви, где присутствует Святой Дух.

Заключение:

1. Способ соединения Церковью по учению архим. Илариона.

2. Краткие выводы.

В списке источников перечислены 38 работ архим. Илариона.

В очерке же жизни и творчества в семи классификационных рубриках соответственно перечислена (без выходящих данных) — 51 работа, а именно в:

1. Догматико-полемическом разделе — 11 работ;

2. Апологетическом — 9 работ;

3. Литургическом — 4 работы;

4. Экзегетическом — 4 работы;

5. Историческом — 5 работ;

6. Слова и речи — 15 работ;

7. Письма — 3 работы.

Таким образом, несмотря на использование каталога, составленного К.М. Поповым, работа не содержит полного перечня работ архим. Илариона. Рубрикация, особенно последние 4 пункта, не особенно удачно составлена; например, в 6-м разделе помещены и критические, и библиографические очерки, хроника.

Автор довольно хорошо демонстрирует ригористичность взглядов архим. Илариона по поводу отпадения не только протестантов, но и даже католиков от Церкви, и приводит заявление архим. Илариона: «...и католики для меня не Церковь, а следовательно, не христиане, ибо христианства нет без Церкви». Для Илариона неприемлем факт единения христиан невидимым образом, и он не может согласиться с этим (Марин, с. 34).

Он приводит в качестве аргумента и такой довольно слабый довод: «Между католиками и православными нет любви, нет общения и, следовательно, католики отпали от Церкви»⁹⁶, и такой еще довод, что католиков принимали в Православие через Крещение (ради икономии!).

Архиеп. Иларион утверждает даже, что протестантство вообще порождено не протестом против извращения в католичество, а ... гуманизмом⁹⁷. Изложив весьма аргументировано взгляды архиеп. Илариона, Савва Марин не может не назвать их ригористичными, не позволяющими убедительно однако определить, что же такое Церковь, и приводит мнение Святейшего Патриарха Сергия, что архиеп. Иларионом «многие недоумения разубаюются, либо обходятся, а не разрешаются».

ПЕЧАТНЫЕ ТРУДЫ АРХИЕПИСКОПА ИЛАРИОНА⁹⁸

Сокращения названий периодических изданий

ББЛ — Богословский библиографический листок — прилож. к ж. «Руководство для сельских пастырей».

БВ — Богословский Вестник.

В и Ж — Вера и Жизнь.

В и Р — Вера и Разум.

В.Ц.-О.В. — Всеросс. Церковно-Общественный Вестник.

ГЦ — Голос Церкви.

Д.Чт. — Душеполезное Чтение.

ЕВ — Епархиальные Ведомости.

Ж. — Журнал собраний Совета

МДА.

ЖМНПР. — Журнал Минис-

МЦВед. — Моск. Церк. Ведомости.

МЦВ-к. — Моск. Церк. Вестник.

ОЛДПр. — Об-во Любителей Духовного Просвещения.

ЦВПр. — Церк. Ведомости, Прибавления.

Отд. Хр-на — Отдых Христианина.

РдСП — Руководство для сельских пастырей.

С.П. — Сергиев Посад.

С. Г. — инициалы автора.

Хр. — Христианин (изд. при МДА).

терства Народного Просвещения.
М., — Москва, московский.

Хр. Чт. — Христианское Чтение.
Ц. и Ж. — Церковь и Жизнь.

1. Чествование преподавателя Тульской семинарии П.И. Малицкого по поводу исполнившегося 25-летия его службы (речь ученика 4-го кл.). — Тул. Ев. 1904, № 1-2.
2. Среди журналов (Русская мысль). — Хр., 1907, № 2, 3, 8. (Отдельный оттиск: В. Троицкий. Религия и политика. С.-П., 1907).
3. Ветхозаветные пророческие школы. Библейско-исторический этюд. — В и Р. 1908, № 18-20.
4. По Востоку и Западу (Путевые наброски). — Хр., 1909, № 1-7, 9-10. (Отд. оттиск: В. Т[роицкий]. От Академии до Афона. С.-П., 1914, 148 стр.)
5. Основные начала ветхозаветного священства и пророчества. — В и Р. 1909, № 9-10, сс. 387 - 425.
6. Слово в день празднования 95-й годовщины от основания Московской Духовной академии (1 октября 1909 год). — Б В., 1909, сентябрь, сс. 339 - 354. (Отд. оттиск: В. Троицкий. Да не будут тебе бози инии. С.-П., 1909.)
7. Торжественные дни в Ростове Великом в память 200-летия со дня блаженной кончины святителя Димитрия Ростовского, чудотворца. — Д. Чт., 1909, № 12, сс. 569 - 580.
8. Христианство и социализм (На современные темы). — Хр., 1910, № 1, с. 69.
9. Новый учебник по церковной истории. [Рец. на: П.И. Малицкий. История христианской Церкви. Вып. 1, 2. Тула, 1909, 1910.] — В и Р., 1910, № 24, (Хр., 1911, N 1).
10. Христианство и Церковь. — Хр., 1911, № 1, 2. [Рец.: Рус. Паломник. 1911, № 33.]
11. Из академической жизни. Посещение Академии Оберпрокурором Св. Синода В. К. Саблером. — Б В. 1911, май, 252-257.
12. Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету (Пробная лекция по Священному Писанию Нового Завета). — Б В. 1911, июль—август, сс. 493 - 526.
13. А. С. Хомяков и древнецерковные полемисты. — В и Р. 1911, № 18, сс. 731 - 748.
14. Об увеселительной благотворительности (Несколько чужих слов). — Хр. 1911, № II, с. 634.
15. Священное Писание, Церковь и наука. (Из лекций на жен. богословских курсах) — МЦВед., 1911, № 50, сс. 1165 - 1169.
16. «Духовный» журнал (О «Церковном Вестнике»). — Колокол. 1911, № 1682 (11 ноября).

17. Правда ли, будто ученые люди в Бога не веруют. — Хр. 1911, № 12, с. 710.
18. Духовная школа должна быть церковной! — Хр. 1911, № 12, с. 752.
19. Христианство или Церковь? С.-П., 1912 (2-е исправл. и дополн. изд., 64 стр.); перепеч: Православная Подолія (Каменец-Подольский). 1912, № 50. (Рец.: Церк. вед. 1912, № 49.)
20. История Плацаницы. — БВ., 1912, февраль-март. (Рец.: В. Пестряков. — ББЛ., 1913, № 6-7, с. 138).
21. Новозаветное учение о Церкви. — ГЦ., 1912, март, май, июнь, сс. 116 - 144.
22. Понятие о Церкви в противоиудейской полемике с донатизмом. — БВ. 1912, май сс. 1 - 29, июнь, сс. 241 - 255.
23. Ходячие заблуждения. — Новгород. ЕВ., 1912, № 24.
24. Вопрос о Церкви в догматической полемике с донатизмом. Оппат Милевийский. — БВ. 1912, сентябрь, сс. 247 - 271.
25. Вопрос о Церкви в полемике блаж. Августина против донатистов. — БВ. 1912, октябрь, сс. 297 - 327.
26. Очерки из истории догмата о Церкви. С.-П., 1912, 559 стр., (перезид. в 1997 год с предисл. А.К. Светозарского и А.И. Сидорова). (Рец.: 1) [А.Ш.] Без Церкви нет христианства. — Донской православный вестник. 1915, № 3, 214 - 216; 2) А. Пологов. — Д.Чт. 1913, № 4, 570 - 578; 3) О диспуте 11 декабря 1912 года. — Ц.Вед. Приб., 1912, № 50, с. 2030; 4) О присуждении степени («Праздник для богословской науки»). — Рус. Слово. 1913, № 12; 5) М. Д. Муретов. Критико-библиографическая заметка о книге В.Троицкого «Очерки из истории догмата о Церкви». С.-П., 1912. — БВ., 1913, февраль, март.)
27. Троициство Божества и единство человечества. — ГЦ., 1912, № 10, сс. 112 - 131 и отд. М., 1912, 20 стр.
28. О церковности духовной школы и богословской науки (Вступит, лекция). — БВ., 1912, ноябрь, сс. 485 - 500.
29. Воплощение. — МЦВед., 1912, № 52, сс. 1167 - 1178.
30. Богословие и наука. Речь в ОЛДПр 1 октября 1912 года (напечатана).
31. О необходимости историко-догматической апологии девятого члена Символа веры. Речь перед защитой магистерской диссертации. — БВ., 1913, февраль, сс. 362 - 372 и отд. С.-П., 1913.
32. Слово при отпевании проф. А.И. Введенского. — БВ., 1913, № 3, сс. 32 - 35 и отд. в некрологе Введенского.
33. Покаяние в Церкви и покаяние в католичестве. — ГЦ., 1913, № 3-4 и отд. М., 1913, 50 стр.
34. Посещение Академии патриархом Антиохийским. — БВ., 1913, май, сс. 182 - 183; МЦВ-к, 1913, № 22-23, сс. 424 - 427.

35. Лев Толстой и Воскресение Христово. — МЦВед., 1913, № 18, сс. 342 - 345.
36. Церковь гонимая и Церковь господствующая (к 1600-летию со времени издания Миланского эдикта). — МЦВед., 1913, № 37, сс. 747 - 752.
37. Речь в день празднования 1600-летия со времени издания Миланского эдикта (14 сентября 1913 года). — БВ., 1913, сентябрь; МЦВ-к., 1913, № 39, сс. 790 - 793.
38. «Великая могила» (О паломничестве на могилу Толстого). — МЦВед., 1913, № 44, сс. 898 - 902; В и Р., 1913, № 24, сс. 856 - 860.
39. Наука и жизнь (Вступительная лекция в МДА 11 сентября 1913 год). — ГЦ., 1913, № 12, сс. 124 - 136.
40. Из академической жизни. Обновление академического храма и пострижение в монашество Илариона Троицкого (28 марта) и Нектария Иванова. — БВ., 1913, апрель, сс. 880 - 882.
- [Отклики: 1) Колокол, 1913, № 2085, 2) МЦВед., 1913, 76 (2 апр.), 3) Добролюбов Т., свящ. — МЦВед., 1913, № 17, сс. 327 - 330, 4) Рус. Слово, 1913, № 77, 5) ЦВПр., 1913, № 15-16].
41. Из академической жизни. Речь при обновлении академического храма и пострижении в монашество Илариона Троицкого 28 марта. — БВ., 1913, декабрь, сс. 905 - 916.
42. Воплощение и смирение. — МЦВед., 1913, № 51-52, сс. 1028 - 1033.
- 42а. Из академической жизни. — БВ., 1914, январь, сс. 220 - 222.
- 42б. О жизненной задаче пастырской проповеди. — Холмск. церк. жизнь, 1914, № 1.
- 42в. Открытие мощей святителя Ермогена. — МЦВед., 1914, № 20-21.
43. О мудрости (Размышление над двумя тропарями Великого канона Андрея Критского). — МЦВед., 1914, № 1 (7?) сс. 114 - 121.
44. Постное и пост (Страничка из истории церковной дисциплины). — Чт. в ОЛДПр., 1914, № 3, сс. 602 - 607.
45. Из академической жизни: 1) Погребение проф. П.И.Цветкова; 2) Годичное поминовение проф. Введенского; 3) Посещение академии В.Г.Фриером. — БВ., 1914, март.
46. Священное Писание и Церковь. — ГЦ., 1914, № 4, сс. 150 - 186 и отд. М., 1914, 39 стр. [Рец.: Тареев М. М. — Хр., 1916, № 1-2].
47. Речь перед всенародным молебствием на площади в Сергиевом Посаде. — МЦВед., 1914, № 32, сс. 584 - 586.
48. Прогресс и преображение. (Речь, сказанная в академ.

аудитории 3 сентября 1914 года) — БВ., 1914, октябрь - ноябрь. (Сокращенный вариант: Отд. Хр.-на. 1916, № 5).

49. Покровский академический храм к началу второго столетия Академии. — БВ., 1914, октябрь - ноябрь и отд.: С.-П., 1914, 8 стр.

50. Прогресс и война. — МЦВед., 1914, № 47 - 48, 952 - 957; Странник, 1914, № 12, сс. 593 - 599.

51. Замечания, поправки и дополнения к «Православному догматическому богословию» прот. Н.П.Малиновского. — С.-П., 1914 (См. БВ., 1913, № 12, см. так же далее: Отзыв на докторскую диссертацию).

52. Воплощенне и Церковь. — МЦВ-к, 1914, № 51-52.

53. Церковь как союз любви. — А. Палицкий (сост.). На запросы духа. Пг., 1914.

54. Краеугольный камень Церкви (Мф. 16, 13—18). — В память столетия (1814-1914) Императорской Московской Духовной Академии. С.П. 1914, 23 стр., и в Сборнике статей в двух частях: Ч. 1. С.-П., 1914 (1915).

55. Блаженный Андрей Тотемский — Сб. «Под благодатным небом», 1914, сс. 119 - 121.

56. Святый мученик Кельский, там же, сс. 122 - 124.

57. Святый мученик Нестор, там же, сс. 137 - 139.

58. Кто глава Церкви? (и на укр. яз.) — Листки для Галиции, С.-П., № 4.

59. Кому принадлежала власть над всею Христовой Церковью во времена святых апостолов? (и на укр. яз.), там же, № 10.

60. О том, что римского папу не должно признавать видимым главою Христовой Церкви, там же, № 12.

61. Почему римского папу нельзя почитать за непогрешимого учителя веры, там же, № 14.

62. Как устроена в Галичине уния римскими папамн, там же № 17.

63. Памятная лекция незабвенного учителя (К годовщине со дня смерти А.И.Введенского, († 23 февраля 1913 года). — МЦВед., 1914, № 8, сс. 147 - 153 (лекция о философской ответственности — см. Хр., 1908, т. 3, сс. 782 - 800).

64. Христианства нет без Церкви. С.П., 1915, 67 стр. (No Christianity without the Church. — The Churchman, 1917, March 31, April 7th.).

[Рец.: 1) [Н.Г.] — ББЛ, 1916, № 1—2; 2) С. — Прих. Л-к., 1915, №№ 1, 3; 3) Епископ Андрей (Ухтомский). Письма к пастырям Уфимской епархии. IX. Борьба с сектантством может быть только искреннею, без умалчивания. — Уфимский епархиальный вестник. 1915, № 6; 4) Утренняя звезда. 1915, № 28 (10 июля); 5) РдСП, 1915, № 29-30, сс. 755 - 762, № 32, сс. 815 - 821;

6) М-ий. (В. П. Виноградов). «Что думают и делают по епархиям во время войны?» — Хр., 1915, № 6-7; 7) М. М. Тареев. — Хр., 1916, № 1-2, сс. 85 - 99 и 215 - 233 и в кн. «Философия жизни»; 8) [В. Г.] — Ц и Ж., 1916, № 14.]

65. Единство идеала Христова. Письмо к другу. — Хр., 1915, январь-февраль, сс. 83 - 104 и 346 - 361. [Рец.: В. В. Розанов. Не надо брака... — Новое время. 1916, 4 апреля.]

66. Пасха нетления. — МЦВед., 1915, № 12—13; РдСП., 1915, № 17.

67. Война, Россия и славянство. — Духовная беседа. Павлово, 1915, № 1, сс. 4 - 6.

68. Речь при пострижении Н. Н. Руднева. — БВ., 1915, июль-август, с. 645.

69. Богословие и свобода Церкви (О задачах освободительной борьбы в области русского богословия) — Вступит. лекция 12 сент. 1915 год — БВ., 1915, 9, сс. 98 - 134 и С.-П. 1916 год.

[Рец.: 1) [В. Г.] — Ц и Ж., 1916, № 6, с. 95, № 4; 2) В. Соколов. Раскол вероисповедания. — Ц и Ж., 1916, № 17., Сава Марин. Критика принципов западной богословской школы в трудах архиеп. Илариона Троицкого — курсовое соч., МДА, Загорск, 1966, 180 стр.]

70. Письма о Западе. — Хр., 1915, № 1 - 12, 1916, № 1, Прилож. и отд. С.-П., 1915 - 1916, 79 стр. (1. Вместо предисловия; 2. Славянство; 3. Кельнский собор; 4. Богослужение; 5. Православие на Западе; 6. День именин Сербского короля; 7. На войне; 8. Сикстинская мадонна.

71. К «Записке» думского духовенства (о числе монахов на службе в духовно-учебных заведениях). — Прих. Л-к., 1915, № 258, 23 сент.); РдСП., № 43.

[Рец.: Б. Царевский. — Новое время. 1915, № 1406. Полемика: Архим. Иларион. Пренебрежение к истине. — Прих. Л-к., 1. 9. X. 1915; [Б.Ц.] — Новое время. 1915, № 14213; Архим. Иларион. Упорствующий. — Прих. Л-к., 9. IX. 1915; РдСП., 1915, № 50; Архим. Иларион. Небольшое примечание к «Записке» думского духовенства. — Хр., 1915, № 10].

72. О жизни в Церкви и о жизни церковной (По поводу письма Преосвященного еп. Андрея к пастырям Уфимской епархии). — Хр., 1915, апрель; Тверские Ев., 1915, № 33.

73. Вифлеем и Голгофа. (Письмо к другу) — Отд. Хр-на, 1916, № 12, сс. 63 - 78. [Рец.: В. Соколов. К вопросу о свободе «богословского мнения». — Ц и Ж., 1917, № 2].

74. Грех против Церкви (Думы об интеллигенции — Вступ. лекция 26 авг. 1916 год). — Отд. Хр-на., 1916, № 10, сс. 127 - 146.

75. Речь иноку Панкратию (Гладкову) 7 июня 1916 года. —

БВ., 1916, июль-август, сс. 587 - 590.

76. Профессор Анатолий Алексеевич Спасский (Некролог и речь при отпевании). — БВ., 1916, октябрь-декабрь, сс. 3 - 17.

77. Новый Завет в апостольское время. — Хр., 1916, № 1, 59 - 78.

78. Новый Завет во втором веке. — Хр., 1916, № 3 - 4, 378 - 398.

79. Политика дороже истины. — Ц и Ж., 1916, № 13, сс. 196 - 197.

80. О литературной деятельности свящ. Вл. Востокова. — Прnx. Л.-к., 1916, № 206. [Полемика: Свящ. В. Востоков. Ответ эксперту. — Отклики на жизнь. 1916, № 9-12; В. Германов. «Ересь» о. Востокова. — Там же, сс. 131 - 133; или Ц и Ж., 1916, № 18; Ф. Леонтьев. — Русская будущность. 1916, № 40 (59), 11-12].

81. Единство Церкви и всемирная конференция христианства (Письмо г. Роберту Гардинеру, секретарю Комиссии для устройства мировой конференции христианства). — БВ., 1917, январь, сс. 3 - 60.

82. Мнение профессора архимандрита о нашей догматике (О тайне искупления)⁹⁹. — РдСП., 1917, № 18, сс. 509 - 512; Архангельские ЕВ., 1917, № 24, сс. 543 - 545.

83. Открытие Всероссийского Церковного Собора. — БВ., 1917, 8-9, с. 275.

84. Почему необходимо восстановить патриаршество? (Речь в общем заседании Собора) — БВ., 1917, октябрь-декабрь, сс. 418 - 426, и В.Ц.-О.В., 1917, № 140.

85. Восстановление патриаршества и избрание всероссийского патриарха. — БВ., 1917, октябрь-декабрь, сс. 427 - 430.

86. Профессор Митрофан Дмитриевич Муретов. Скончался 11 марта 1917 года (Некролог). — БВ., 1918, март.

86а. Под вопросом его работа (?): Исторический очерк существования Православной Церкви в России за время с 1613 г. по настоящее время — сб. «Россия в прошлом и настоящем» 1914 г. — работа не найдена, но упомянута в Указателе на лит. труды в БВ 1915, 10-12, с. 61 Отчета.

РЕЦЕНЗИИ

87 (1). Иеромонах Филипп. Утверждение истины. Киев, 1913. — ГЦ., 1913, № 2, и отд. 155 стр.

88 (2). Свет Печерский (Об одноименных листках Киево-Печерской лавры). — ГЦ., 1913, № 6, сс. 205 - 206; МЦВед., 1913, № 21; Донские ЕВ., 1913, № 28.

89. (3). J. Adhemar D'Ales, professeur a l'institut catholique de Paris. L'edit de Calliste. Etude sur les origines de la penitence chretienne. Paris, 1914. — БВ., 1915, № 3, сс. 611 - 615.

90 (4). Необходимое издание: Лавров-Платонов Алексей. Правила святых апостолов, вселенских и поместных Соборов и святых Отцов, ч. II, изд. 3-е, М., 1915. — Хр., 1915.

91 (5). А. Д. Троицкий. Евангельские блаженства (Заветы Спасителя о жизни и счастье). Всестороннее изъяснение Христовых заповедей блаженств. Киев, 1914. — БВ, 1915, апрель, сс. 882 - 884.

92. (6). С. Л. Епифанович. Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1914. — Хр., 1915, № 5.

93. (7). Сборник статей. У Троицы в Академии. 1814-1914. — МЦВед., 1914, № 42.

94. (8). Свящ. Д. В. Рождественский. Учебное руководство по Священному Писанию. 4.1. Петроград, 1915. — БВ., 1915, апрель.

См. так же под номером 9

ОТЗЫВЫ НА КАНДИДАТСКИЕ СОЧИНЕНИЯ (за 1912 — 1915 гг.)¹⁰⁰

1. Архангельский Леонид, свящ.,. Идея спасения в живом церковном сознании по богослужению двенадцатых праздников — Ж., 1912, сс. 189 - 198.

2. Виноградов Иван. Архиепископ Евсевий (Орлинский) и его сочинения о воспитании детей в духе христианского благочестия. — Ж., 1912, сс. 215 - 217.

3. Давидович Владимир. Дни творения и эволюция. — Ж., 1912, сс. 162 - 164.

4. Добровольский Василий, свящ. Иерусалим как центр политической и религиозной жизни израильтян, до разрушения его римлянами. — Ж., 1912, сс. 242 - 244.

5. Михальчук Евфимий, свящ. Царствование Давида по свидетельству книг Царств и Паралипоменон. — Ж., 1912, сс. 317 - 320.

6. Сперанский Михаил. Старчество в святоотеческом понимании и исторической судьбе у нас в России. — Ж., 1912, сс. 402 - 406.

7. Уметский Петр. Преподобный Трифон Вятский его жизнь, подвиги и заслуги его Церкви и государству. — Ж., 1912, сс. 422 - 426.

8. Аболенский Александр. Религиозно-философские воззрения Алексея Степановича Хомякова. — Ж., 1913, сс. 175 - 180.

9. Бо(а)йков Николай. Перевод хорошим русским языком и подробный филологический разбор сказания четвертого о 42 Аморийских мучениках. — Ж., 1913, сс. 213 - 214.

10. Богданович Иван. Учение о человеке и человеческой жизни по тексту книги Екклесиаст. — Ж., 1913, сс. 209 - 211.

11. Кряжимский Александр. О подлинности первых двух глав Евангелия от Луки. — Ж., 1913, сс. 284 - 298.

12. Ремезов Александр. Альфред Луаре (К характеристике и оценке католического модернизма во Франции). — Ж., 1913,

сс. 351 - 356.

13. Иоасаф (Шишковский), иеромонах. Толкователи слова Божия из писателей-аскетов. — Ж., 1913, сс. 403 - 409.

14. Бердников Сергей. О иконописном подлиннике. — Ж., 1914, сс. 574 - 576.

15. Герасим (Садковский), иеромонах. Христианство в понимании восточных аскетов (Опыт систематизации идей подвижничества IV века). — Ж., 1914, с. 427.

16. Нектарий (Иванов), иеромонах. Священное Писание у египетских подвижников. — Ж., 1914, с. 310.

17. В. Ключарев. Иисус Христос в современном сравнительном изучении религий. — Ж., 1914, с. 315.

18. Козырев Сергей. Духовные свойства существа Божия. — Ж., 1914, с. 326.

19. Алферов Петр. Евангельское учение о браке (в связи с современными учениями о нем). — Ж., 1915, сс. 131 - 136.

20. Аскалонов Стефан. Царь Иван Грозный и Православная Церковь. — Ж., 1915, сс. 155 - 156.

21. Введенский Михаил. Сотериология св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. — Ж., 1915, сс. 195 - 199.

22. Любимов Александр. Суд над Иисусом Христом. — Ж., 1915, сс. 283 - 286.

23. Фаворитов Павел. Древнерусские ииоческие уставы. — Ж., 1915, сс. 532 - 535.

ОТЗЫВ НА МАГИСТЕРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ:

24. Лебедев Дмитрий (Алексадрович). Из истории древних пасхальных циклов. I. 19-летний цикл Анатолия Лаодикийского. С-Пб, 1912 год — Ж., 1915, сс. 475 - 482, см. так же: Архим. Иларион. О церковном употреблении пасхальной енеакдекаетиды Анатолия Лаодикийского. — БВ., 1916, январь.

ОТЗЫВ НА ДОКТОРСКУЮ ДИССЕРТАЦИЮ:

25. Малиновский Николай. Православное догматическое богословие. — Ж., 1913, сс. 619 - 712 (см. так же в Трудах, № 51).

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА АКАДЕМИЧЕСКОМ СОВЕТЕ:

26. Рекомендация А.В.Ремезову в профессорские стипендиаты. — Ж., 1913, сс. 424—425.

27. Отрицательное мнение о прощении А.В.Ремезова об уходе его в армию. — Ж., 1915, сс. 68 - 72.

БИБЛИОГРАФИЯ К ОЧЕРКУ
«АРХИЕПИСКОП ИЛАРИОН (ТРОИЦКИЙ)»

А. Архивные источники:

1. ЦГИАМ, ф. 229,4, дд. 4399, 5079 и 5236.
2. Архив КМП в МДА.
3. ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 55, л. 67-69, д. 57, л. 88.

Б. Прочие источники и литература:

1. Ж. — Журналы собраний Совета Московской Духовной Академии, 1910, сс. 231 - 238, 250; 1912, сс. 576 - 606 и др.
2. Л6 — Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи 1893—1965 годов, машинопись., т. III, сс. 197 - 200.
3. Л39 — Волков С.А. Воспоминания бывшего студента МДА, м.п., 1965 год, сс. 50 - 60, 376 - 380.
4. Л41 — Постников С.Н. Московская Духовная Академия 1910—1915 годов, м.п., сс. 9а, 45 - 48, 50 - 52.
5. Л44 (БПБС) — Бакулин Б.С. Большой Православный Богословский Словарь, т. V, сс. 191 - 196.
6. Л45 — Голубцов С.А. История Московской Духовной Академии 1901—1919 годов, канд. соч., м.п., 1977 год, МДА, в 3-х томах, т. 3 (отзывы по канд. соч.).
7. Л60 — Голубцов С.А. История Московской Духовной Академии Дореволюционного периода в 3-х томах., т. 1, ч. 2, сс. 150 - 151, 190 - 197, ч. 3, сс. 56а, 61. 147.
8. Л64 — М. Склярова. Сосуд избранный — История Российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах..., С.-Пб, 1994.
9. Еп. Феодор. Речь при пострижении Вл. Троицкого в монашество — БВ, 1913, № 4; Русский Инок, 1915, № 2 (117), сс. 83 - 88.
10. А. Левитин-Краснов, В. Шавров. «Очерки по истории обновленческого движения», т. II, м.п. 460 стр. или типогр. изд. М., 1996, с. 313.
11. Свящ. Вл. Цыпин. «К вопросу о границах Церкви» — Б.Тр. 1986 (Юб. сб. к 300-летию МДА), сс. 193 - 225.
12. В.П. Виноградов, проф. — прот. «О некоторых важнейших моментах ... жизни и деятельности св. патриарха Тихона», Мюнхен, 1959.
13. Савва Марин. Критика принципов Западной богословской школы в трудах архиеп. Илариона Троицкого. МДА, Курс. соч, 1966, 180+5 стр.
14. Архиеп. Владимир (Сабодан). Экклезиология в русском

богословии в связи с экуменич. движением. Магистерск. соч. МДА, 1979, м.п. 489 с., сс. 254 - 314.

15. [Он же.] Автореферат маг. дисс., — Б. Тр. № 21, сс. 157 - 169.

16. Мих. Губонии. «Дневник богослужений Патрнарха Тихона», м.п., биб-ка ЛДА.

17. О.В. Волков. «Погружение во тьму», Париж, 1987; М., 1989.

18. Лев Регельсон. «Трагедия Русской Церкви. 1917 - 1945», Париж, 1977.

19. М. Польский. «Новые мученики Российские», т. II., Джорданвилль, 1957.

20. А.К.Светозарский и А.И.Сидоров. — Вступительные статьи к книге архим. Илариона «Очерки истории догмата о Церкви», М., 1997.

Дополнительные сокращения:

Б.Тр. — Богословские Труды
д. — дело (единица хранения)

еп. — епископ

КМП — Конст.Мих. Попов, автор архивного каталога в МДА

м.п. — машинопись

оп. — опись

ОР ГБЛ — Отдел Рукописей

Гос. Б-ки им. Ленина (ныне Гос.

Библиотеки Российской Феде-

рации)

прот. — протоиерей

свящ. — священник

ф. — фонд

ЦГАОР — Центральный Государственный Архив Октябрьской

Революции

ЦГИАМ — Центральный Государственный Исторический

Архив (Москва)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Согласно митр. Мануилу и др.; В.П.Виноградов ошибочно считает, что он был лишь епископ (См. далее, в тексте — С.Г.).

² Писатель О.В.Волков в своих воспоминаниях ошибочно именует его архиепископом Тульским и Серпуховским.

³ Отец скончался в возрасте 65 лет 25 февр. 1917 года (ст. ст.).

⁴ Помимо Илариона был еще Даниил, с 1921 года — еп. Елецкий. Репрессирован в 1934 году, когда занимал Брянскую кафедру.

⁵ По словам А.Д.Беляева, Вл.Троицкий сумел так быстро закончить подготовку своего магистерского сочинения благодаря тому, что осенью 1911 года он не читал лекций. Его предмет был на 3-м курсе, но этот курс прослушал раздел об евангелистах в предыдущий год. В то же время в 1911 году по средам он читал по одной лекции по Новому Завету на Женских курсах Восторгова в Москве (лекции там читались по вечерам во вторник, среду и пятницу с 6 до 9 ч. вечера).

Вообще, надо заметить, что ректор еп. Феодор, забравший власть в Совете в свои руки, для своих любимцев, на которых он делал ставку, открывал «зеленую улицу». Так, Вл. Троицкий не только не читал лекций в течение одного семестра в дополнение к году профессорского стипендиатства, но и рецензентами для него были назначены Муретов и Глаголев, оба безропотно вскоре после воцарения Феодора в Академии подчинившиеся ректору и не имевшие мужества отстаивать свое мнение. Даже на диспутах профессора опасались задавать таким лицам тяжелые для них вопросы. Вот в этом-то и заключался действительный позор Академии, а не в том, как писал сокурсник Иларнона Г. Добронравов [МЦВ 1913 № 17, с. 328], что в ней профессура боролась за автономию, при которой в ней не могла бы царствовать монашеская номенклатура.

Этим нашим замечанием мы не хотим бросить тень на работу В. Троицкого, но заметить, что разбор его сочинения мог бы быть и более глубоким в других условиях.

⁶ Ж., 1912, сс. 576 - 606.

⁷ О роковой роли архим. Антония в судьбе воспитанников МДА упоминает ее выпускник митрополит Евлогий (Георгиевский): «...Архим. Антоний постригал неразборчиво и исковеркал не одну судьбу и душу... Некоторые из его постриженников потом спились... В нашей среде архим. Антоний вызывал к себе два противоположных отношения. Одни подпадали под его влияние и им восхищались, другие его ненавидели... Молодежи нравились его неуважение к авторитетам, даже бесспорным, как митр. московский Филарет, не говоря уже о современных профессорах, которых он чистил самыми грубыми эпитетами...» [«Путь моей жизни. Воспоминания...», М. 1994, сс. 42 - 43]. Самым опасным для Церкви было то, что в принятии монашества искали путь вверх карьеристы, а часто и проходимцы, которых фанатики монашества постригали, не задумываясь о последствиях.

«...Очень трудно ... понять митр. Антония. С одной стороны, он всегда ласков, ласков, любезен, с другой стороны, так явно в нем выступают черты интригана, что становится противно...» [Протопресвитер Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. Воспоминания. М. 1995, с. 167.].

«...Я никак не могу забыть рассказ... Сухумского владыки Димитрия (Сперовского) о том, как митр. Антоний в свою бытность распространял о петербургском митрополите Антонии (Вадковском), достойнейшем архипастыре, мизинца которого он не стоил, самые нелепые, самые возмутительные по своей грязи слухи о его болезни. А между тем, вряд ли был в последнее столетие другой такой любвеобильный и чуткий к чужому горю, столь тактичный и деликатный владыка, каким был петербург. митр. Антоний...» И

там же: «... И почему это у митрополита Антония постоянно в разговорах и в проповедях фигурируют или неприличные женщины, или неприличные слова, или неприличные болезни? Я вполне понимаю бывшего моего владыку еп. Андрея (Ухтомского), который не мог спокойно говорить о митр. Антонии за его постоянную скабрёзность...» [Прот. Георгий Ст. Голубцов. Поездка на Всероссийский Церковный Собор, — Дневник настоятеля Сухумского собора... (за 13/26 февраля 1918 года) — См. публикацию М. Одинцова в журнале «Исторический Архив» 1994, 6, с. 92].

Одержимый страстью властолюбия, намеревавшийся пробиться в патриархи, используя для этого все средства и каналы, в том числе и придворные, он чуть было не стал московским митрополитом, да Распутин своего указал. Из приведенных свидетельств, которые можно было бы и приумножить, видно, что он постепенно и, вероятно, незаметно для себя, стал своего рода агентом древнего Искусителя. Не удивительно, что Антоний был впоследствии и ересиархом (в учении об Искупительном подвиге Иисуса Христа) и вождем Карловацкого раскола в Зарубежной Церкви.

Его выученником по Казанской Академии стал и епископ Феодор, который, по словам некоторых поверхностных церковных писателей, был «безупречный аскет», но как говорят в народе, «не ел мяса, да ел людей» — стал вышвыривать из Московской академии независимо мыслящих профессоров, создав вокруг себя безропотно голосующих клеветов. Не удивительно, что и под его мантией скрывалось властолюбие, прикрытое учтивостью и любезностью, которое не могли разглядеть малоопытные в духовной жизни студенты, вроде Постникова, оставившего свои воспоминания об академии того периода. Конечно, студентов еп. Феодор должен был опасаться, — ведь они чуть было не отправили его на тот свет за его деспотическое правление в Тамбовской семинарии в 1906 году. Совершенно по-другому вел себя ректор с профессорами. Не удивительно, что и епископ Феодор впоследствии организовал Даниловскую оппозицию Патриарху Тихону, и что, получив назначение на Петроградскую кафедру от Патриарха Тихона вместе с титулом архиепископа, он последнее воспринял, а от первого отказался, показав, чего стоило его монашество и его «аскетизм».

И вот, в эти тенета попадает и молодой монах Иларион, и он становится Антониевским проводником идеи патриаршества, которое является ни чем иным как церковным слепком византийского самодержавия, хотя и очень древним, и которое на Руси отметило себя появлением расколов. Антоний спешил, поэтому Илариона сразу и ставят в архимандриты, дабы, используя его выдающиеся способности, провести свою идею о патриаршестве в жизнь. Но насколько опасно было для его души столь быстрое продвижение —

видно из последующего изложения.

⁸ «Вот уже почти неделя прошла, — писал он в одном частном письме 5 июля, — а я все еще не могу как следует осмыслить со мною случившегося. Сначала не верил, потом не хотел верить, но теперь уже нельзя не верить, когда приходится вступать в должность (инспектора)... Совершенно выбит из колеи, разрушены до основания все мои планы... Летом, по крайней мере, июль весь придется сидеть в Академии: буду я в своей особе совмещать и ректора (!) и инспектора, и помощника инспектора...»

Каково было чувствовать себя пожилым профессорам в подчинении у вчерашнего безусого студента? — Но у занимавшего кафедру «Пастырского богословия» ректора это не вызывало никаких смущений. Столь же незрительно со стороны ректора по отношению к уже степенному ученому Николаю Малиновскому, подавшему в Совет Академии на рассмотрение свою докторскую диссертацию, назначать в рецензенты Илариона Троицкого, вчерашнего студента.

⁹ Вот отрывок из его другого письма, от 12 ноября того же года: «Среди нелегких обстоятельств жизни хожу гогазом, голову держу вверх, веду агрессивную политику. Всех тащу в то же дело. Например, 8-го читал... доклад для студентов в покоях ректора об ученом монашестве. Мне горестно, что грамоте учиться мало приходится... Завтра еще в Москву поеду... в субботу церковь будем освящать, слово скажу, только не знаю о чем (да это и не важно! — С.Г.), а нужно что-нибудь поядовитее... и будем одному юноше наносить раны резаные, в волосы — Каждый месяц кого-нибудь да постригаем. Ура!..»

Из письма от 15 октября 1914 года: «... До середины сентября шли обычные дела, связанные с началом нового учебного года. Свирепо экзаменовали, многих провалили. Что-то глупы ребята становятся... [!] Около середины (сентября) я уехал в небольшой отпуск... Сначала поехал в Харьков, где пробыл три дня — и по делу и без дела туда ездил... Два с половиной дня пробыл в Туле. Остановившись у нового архиерея, заместителя Евдокимова. Это святой ангел! Не как я грешный... Жизнь моя в нынешнем году проходит иначе. Во-первых, как-то душа не лежит к занятиям. Это благодаря войне... Иначе как-то чувствую себя во второй год... инспекторства. На мелочи внимания не обращаешь, а если что, так уж и распалить могу со властью (! — С.Г.)... Могу еще тебе похвалиться своими успехами у мироносиц: на столе стоит полный письменный прибор из серебра 84-й пробы, в столовой — весьма приличный сервиз стильный, в шкафу — шелковая ряса. Вот и спасайся тут! Грехи! грехи!..»

Не мудрено, что когда в 1915 году Думское духовенство напечатало Записку о безответственном назначении на административно-воспитательные посты в духовно-учебных заведениях молодых «ученых монахов», то архим. Иларион (а м.б. еп. Феодор?) был задет за живое, и он (онн?) решил(н) «обличить ложь» этих авторов, подсчитав по Отчетам Обер-прокурора за 1913 и 1915 годы, что среди административного персонала монахов было только 10 %, а белого духовенства — 30 %, светских — 60 %, о чем напечатал заметку в «Руководстве для сельских пастырей» (1915, № 43, с. 178). Но такой статистический подход бьет мимо цели, если учесть, что в России было около 60 семинарий и 185 духовных училищ, а 10 % — это не мало, и что даже в самой Московской Академии в конце XIX и начале XX века было много прискорбных случаев на этой почве, о которых писал не кто-нибудь, а заслуженный и авторитетный ученый-богослов Н.Н.Глубоковский, и не где-нибудь, а в статье «За тридцать лет» в юбилейном сборнике «У Троицы в Академии» в 1914 году.

¹⁰ См. Л. 39, сс. 50 - 60.

¹¹ С младенческих лет он прислуживал в храме отцу и в совершенстве знал службу и любил ее. Из периода его семинарского обучения известно, что «еще будучи в первых классах семинарии, с нетерпением ожидал того времени, когда посвятят в стихарь», но в связи с освободительным движением он «был освобожден от посвящения» в него [см. ЦГИАМ, ф. 229, 4, 4399, л. 10].

¹² С.Н.Постников оставил несколько интересных моментов из этого периода его деятельности в Академии [см. Л41, сс. 9а, 45 - 48, 50 - 52]. Воспоминания Постникова стали печататься в студенческом журнале «Встреча» (МДА) с № 2(5) в 1997 году.

¹³ См. ниже.

¹⁴ Возможно, в Синоде одумались и послали более знающего профессора — проф. СПбДА С.В.Троицкого, а, может быть, сначала спутали однофамильцев, а потом разобрались.

¹⁵ «Киев. мысль», 1916, иллюстрир. прилож., № 42, 14 окт. к № 286 (дано фото).

¹⁶ Как считал С.А.Волков, — «дело испортил Васька, келейник архимандрита Илариона, — пьяница, сквернослов и распутник, пригретый как односельчанин без меры добрым Иларионом, которого он без конца обворовывал. «Васька ходил уже по ректорской квартире после отъезда Феодора в сопровождении своих прихлебателей и намечал, что и как он в ней устроит, когда Иларион будет ректором. Слухи об этом разнеслись по всей Академии и профессора пришли в ужас при мысли, что в случае ректорства Илариона Васька будет обворовывать не только доходы Илариона, но и академические капиталы. Поэтому Иларион (бывший в то время по

большей части в Москве) и не был избран ректором, хотя почти все профессора не только глубоко уважали, но и любили его» [Л 39, сс. 376 - 378].

Дело, конечно, не в Ваське. Ведь разгул Васьки объясняется заботостью ректором Совета Академии, ее профессоров и вольностью, которую себе позволяли покровительствуемые им монашествующие, в т.ч. молодой инспектор, в первые годы своего начальствования.

¹⁷ БВ 1917, № 6-7, сс. 143 - 144 или Л 45, т. 1, ч. 1, с. 61.

¹⁸ На основе архивных записей проф. — прот. Дмитрия Рождественского. Сообщено Н.А. Кузнецовой, которой автор выражает свою благодарность за предоставление ряда архивных материалов.

¹⁹ Для справки: в 1919 году Пасха была 7/20 апреля, Троицын день — 8 июня н.ст.

У нас ранее было ошибочно указано, что он был арестован 10 апреля [Л 60, т. 1, ч. 2, с. 130а/210а.]. В частном письме от 9 мая он сообщал: «...Завтра исполнится 2 мес., как я арестант, ... а сколько мне остается быть таковым — не знаю... «Дело» мое и следовательно показалось смешным, и вины он никакой не нашел... Живу я по-прежнему хорошо; совсем здесь обжился, будто так и нужно. Здесь я даже поправился, ... Чтобы усилить циркуляцию крови — начал я ходить на работу, напр., выкачивать воду из тюремных подвалов... Питаюсь по настоящему времени прекрасно».

²⁰ По сведениям одного источника (И. Резникова?), не упоминающего, однако, только что изложенное, архим. Иларион якобы 4 месяца провел в Бутырьках в 1920 году. Но, скорее всего, это эхо события 1919 года. О 1920 годе не упоминает в этом плане ни митр. Мануил, ни тем более такой документ, как Отчет о деятельности Совета МДА за 1919 - 1921 годы.

²¹ Согласно Михаилу Губонину, основывавшемуся на частном сообщении, это имело место 12/25 мая 1920 года на Троицком подворье, где в хиротонии участвовали: Крутицкий митрополит Евсевий (Никольский), митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Кирилл (Смирнов), епископ Никандр (Фиолетов) и др. архиереи во главе со Св. Патриархом Тихоном, сказавшим слово при вручении жезла еп. Илариону.

А.Краснов ошибается, называя 1921 год. В связи с новым назначением архим. Иларион был освобожден от проректорства в Академии с 21 апреля 1920 года.

²² Л 60, т. 1, ч. 2, с. 156в и 156н.

²³ Эконом Троицкого подворья на Фонтанке. Казнен по делу петрогр. митр. Вениамина (Казанского).

²⁴ Судя по адресу (Сретенка 29, кв. 1.) еп. Иларион жил тогда (в 1921 - 1922 годах) у прот. Вл. Страхова при ц. Св. Троицы

в Листах [С.Г.].

²⁵ Л. 64, с. 303, со ссылкой на ф. 194. 1. д. 494 в Российской Национальной Библиотеке.

²⁶ Иеромонах Дамаскин указывает 21 июня/4 июля, но в письме от 14 июля еп. Иларион писал: «...Последние два дня в Москве я был в ужасных условиях и уезжал измученный. А так я чувствовал себя довольно твердо все время, 26-го (ст. ст., а не 21-го числа, — С.Г.) в Воскресение я благополучно прибыл сюда и 27-го в понедельник стал свободным гражданином... я теперь житель губ[ернского] города... Удобно доехал и удобно устроился здесь. Имею маленькую, совсем отдельную комнатку, шесть с половиной на три с половиной аршина (т.е. около 10 кв. м. — С.Г.), с окном на солнечную сторону и на открытый двор. Живу, можно сказать, в центре города. А главное, мое удовольствие в том, что могу жить без всяких забот хозяйственных и житейских. Нашлись здесь же люди, которые все это берут на себя с удовольствием. Я примкнул к одной коммуне четвертым человеком в смысле харчей.

Город-то, сказать по правде, дикий. По берегу реки узкая полоска сухого места занята городом. Места не хватает, и город пошел в болото. Где у людей тротуары — здесь у нас ямы, канавы с грязной водой. Канавы покрыты досками, и по этим доскам ходят люди...»

В письме от 28 августа: «...Командировка моя до 7 июня 1923 года. Времени впереди еще много... После Преображения... воспользовался случаем съездить в одно село... Добрался, наконец, до леса... В первый раз увидел, как клюква растет... Там же в селе катался на лодке по реке. А теперь займусь водными путешествиями: нашел нужных людей. Познакомился с целой семьей моряков... Другой приятель имеет моторную лодку... Завтра и я начинаю с ним путешествовать по Двинской дельте...

Служу я очень мало. 15-го июля (вероятно, по ст. ст., — на свой мирской день Ангела. — С.Г.) тихонько в церкви около дома послужил, а сегодня в соборе кафедральном... В праздники мне скучно без службы, хотя ведь в будни тоже никакого дела... Главное — свободное время и можно учиться. Пригодится ли это учение когда — не знаю. Хочу на бухгалтера учиться: курс лекций по счетоводству уже лежит на столе. А уж «оживляют» «Церковь пусть другие; нам с ними не по пути... А мы уж лучше по ссылкам поедем, а преклоняться перед наглостью, бессовестностью и глупостью — не преклонимся...».

²⁷ Отец Дамаскин, видимо, ошибочно указывает 5 июля (н. ст.), путая стили, да это и не мудрено. Иларион писал, что его срок кончается 7 июня, Дамаскин же пишет, что за день до окончания

ссылки, но уже указывает 21 июня!, преосвященного Илариона вызвали в Архангельское ГПУ и здесь объявили, что ему разрешено уехать.

²⁸ По словам В.П.Виноградова эти и другие требования Тучкову понадобились для того, чтобы дискредитировать Патриарха в глазах его сторонников. Но просчитался. Народ понял вынужденность этого заявления [В.П. Виноградов, цит. соч., с. 15].

²⁹ Это было исполнено 6 июля того же года.

³⁰ 24 июня (6 июля) — по Дамаскину. В.П.Виноградов решительно отрицает этот факт, утверждая, что архиепископское достоинство ему приписывали многочисленные посетители, исходя из административного положения еп. Илариона при патриархе Тихоне [цит. соч., с. 8].

Но в документах, подписанных Патриархом Тихоном (ноябрь 1923 года и май 1924 года) Иларион именуется архиепископом, так что В.П.Виноградов ошибался!

³¹ От лица Святейшего Патриарха Тихона помимо Илариона участвовал арх. Серафим (Александров) и архиеп. Тихон (Уральский), которые сделали доклад собранию 27 архиереев—тихоновцев в Донском монастыре. В.П.Виноградов в переговорах упоминает еще и себя [См. цит. соч., с. 10].

³² Митр. Мануил уверяет, что версия о согласии архиеп. Илариона на уход Святейшего Патриарха Тихона на покой является ложной, пущенной митр. Евдокимом. Проф. В.П.Виноградов со всей решительностью также утверждает, что эта ложная версия, повторенная и о. М.Польским, была продуктом излишнего доверия к газетным сообщениям; в действительности это была крайне недобросовестная выдумка обновленческого митрополита Евдокима, который, желая подорвать авторитет Патриарха, прибег к своеобразному приему. Он уведомил Святейшего Патриарха Тихона, что он, якобы, скорбя о резолюции обновленческого Собора о лишении патриарха сана, желает войти в переговоры с патриархом. Была создана смешанная комиссия, в которую вошли с патриаршей стороны архиеп. Серафим (Александров), еп. Иларион и председатель Моск. епарх. Совета проф.—прот. В.Виноградов. Заседание Комиссии состоялось на нейтральной территории, в помещении бывшей часовни преп. Сергия у Ильинских Ворот. С обновленческой стороны явился сам архиеп. (митр.) Евдоким и секретарь обновленческого церковного управления (светское лицо). На этом заседании архиеп. Евдоким... речь повел вовсе не о примирении с патриархом, а об уходе последнего на покой, и что об этом члены патриаршей делегации должны сделать патриарху предложение. С глубоким возмущением возвратились члены делегации к патриарху и изложили ему позицию архиеп. Евдокима. Святейший ответил: « Так я и предполагал

обман: от Евдокима другого и ожидать было нельзя». Более того, в ряде газет появилось интервью архиеп. Евдокима, в котором он заявил, что будто бы «теперь даже такие ближайшие сотрудники патриарха, как еп. Иларион, ради пользы Церкви, пришли к убеждению в необходимости отречения патриарха от власти...». Конечно, возмущению этой клеветой Евдокима... не было конца». Но поместить в газетах опровержение на это «интервью» не было возможности. [В.П.Виноградов, цит. соч., сс. 10 - 11].

³³Краснов-Левитин «Очерки...», с. 359.

³⁴Следует заметить, что В.П.Виноградов по-другому излагает причину удаления еп. Илариона, а именно — за указ по московским храмам об откладывании на неопределенное время введения нового стиля, на чем настаивали власти, рассчитывая на то, что введение нового стиля оттолкнет народ от Патриарха [цит. соч., с. 29].

Об освобождении Илариона от заключения 1922 - 23 годов и о возвращении его в Москву с разрешения ГПУ в июне 1923 года упоминал и Святейший Патриарх Тихон в своем письме в 5-й Отдел Народ. Комиссар. юстиции от 20-го ноября того же года. В этом письме выражалась просьба о расследовании причин нового ареста архиеп. Илариона в ночь с четверга на пятницу 15 - 16 ноября 1923 года и об ускорении освобождения заключенного, т.к. ему, Патриарху, «по его возрасту и состоянию здоровья... его помощь, как епископа энергичного и высокообразованного, крайне необходима и незаменима».

Святейший Патриарх Тихон далее выражал опасение, «чтобы этот акт [арест], если он не вызывается серьезной государственной необходимостью, может создавать безо всякой нужды совершенно неблагоприятное тревожное настроение среди верующего населения». Однако, Е.Тучков на запрос 5-го Отдела по этому вопросу отвечал, что «гр. Троицкий арестован за к.р. деятельность, выразившуюся в антисоветской агитации на устраиваемых им диспутах, лекциях и в распространении к.р. слухов», так что просьбу «бывшего патриарха Тихона удовлетворить не находит возможным». [ЦГАОР, ф. 5263, оп. 1, д. 55, л. 67 - 69].

8-го мая 1924 года Святейший Патриарх Тихон столь же безуспешно просил об освобождении архиеп. Илариона в числе еще 24-х иерархов, лишенных свободы. [Там же, д. 57, л. 88].

³⁵Прот. Виктор Шаповальников, уроженец Архангельска, в разговоре с автором поведал, что был в годы отрочества посошником у архиеп. Илариона, служившего в храмах Архангельска и бывшего очень простым с народом. Часто выезжал с рыбаками в открытое море. В.Шаповальников полагает, что это было в 1927 - 1928 годах, а не в 1922 - 23 годах. Не может быть, чтобы он ошибся на 5 лет.

³⁶ Рыбачий стан или место, где ловят рыбу неводом.

³⁷ Правда, одна групповая фотография, где в числе узников отмечен и проф. И.В.Попов, но последнего нельзя опознать, настолько он изменился (очевидно, из-за бороды!), свидетельствует вроде о том, что осенью 1925 года Иларион был на Соловках. Может быть, ошибочна датировка фотографии.

³⁸ Но упоминаемый далее еп. Гервасий относит встречу с Иларионом в «Коровниках» к первым числам октября 1925 года!

³⁹ В-к Св. Синода, 1927 год № 4(17), с. 24.

⁴⁰ См. подробнее Л. 6, т. III, сс. 197 - 200.

⁴¹ Епископ Велижский и вр. управляющий Полоцко-Витебской епархией в 1924—25 годах. [«Акты»].

⁴² Архиеп. Приамурский и Благовещенский. Родился в Москве в 1877 году, окончил МДА в 1902 году. Арестован 27 августа 1923 года, на Соловках — в 1924 - 26 годах, в Зырянском крае — в 1926—29 годах, с 16 мая 1934 года — номинально митр. Горьковский, с 1935-го — в Карагандинском лагере, где 20 сентября 1937 года расстрелян [«Акты», с. 860].

⁴³ По другим, устаревшим, видимо, данным, известное «Послание Соловецких епископов» было составлено владыкой Иларионом вместе с другими епископами при самом инициативном участии проф. И.В.Попова, перед которым он преклонялся за обширные познания.

⁴⁴ Текст письма полностью приводится в Л. 62. [См. также В-к РХД №№ 134 и 152].

⁴⁵ Так что же, можно назвать вздорной позицию митр. Кирилла и десятков, если не сотен, и других епископов?

⁴⁶ Повод к войне — лат.

⁴⁷ «Акты», с. 618.

⁴⁸ «Погружение во тьму» Париж, 1987, с. 76.

⁴⁹ Где-то в начале лета (?) 1929 года Волков был освобожден по ходатайству его родных перед М.И.Калининым, с которым они оказались знакомыми.

⁵⁰ Митроцким, бывш. членом Гос. Думы.

⁵¹ Он был, по О.В.Волкову (сс. 86 - 87), весной 1929 года брошен на издательство к штрафникам Заяицкого о-ва.

⁵² Там же, с. 66.

⁵³ На проходивших 12 августа 1997 года очередных «Абрамцевских чтений» один из докладчиков, В.О.Волков, доктор экономических, внук С.И.Мамонтова, делавший доклад по укладу семьи последнего, отрицал это обвинение как якобы состряпанное ОГПУ.

⁵⁴ Это не так. А.Д.Самарин был в ссылке. Он умер в Костроме 30 января 1932 года. (С.Г.).

⁵⁵ Там же, с. 71.

⁵⁶ См. там же, сс. 147 - 149, 195; Волков пробыл там половину срока, а потом был сослан в Архангельск, где был до 8 июня 1936 года, когда был вновь арестован (См. сс. 199, 210, 221).

⁵⁷ Борис Ширяев. Неугасимая лампада. М. 1991, сс. 318 - 322.

⁵⁸ Пасха в мае была в 1926 году 2-го числа, в 1929 году — 5-го (С.Г.), но на Пасху 1926 года Иларион был на Поповом острове, стало быть, здесь описывается событие, имевшее место в 1929 году.

⁵⁹ См. Московский Церковный Вестник, 1993, № 4 (91). В настоящее время появляются весьма солидные статьи об ученых трудах и о последних годах жизни архиепископа. В частности, в серии «Святые отцы и учителя Церкви в исследованиях православных ученых» (Изд. «Православный паломник», М. 1997) вышла книга Илариона «Очерки из истории догмата о Церкви» с обстоятельными вступительными статьями об Иларионе А.К.Светозарского и А.И.Сидорова, сотрудники Свято-Тихоновского Богословского института (о. Дамаскин и Н.Кузнецова) подготовили к изданию сборник статей Илариона и биографические статьи о владыке.

⁶⁰ Здесь и ниже приведена нумерация перечня его работ в приложенном здесь библиографическом указателе, заимствованном из Л. 60, т. III, ч. 2, сс. 154а - 161а.

⁶¹ Савва Марин вводит свою классификацию творческого наследия архиеп. Илариона, в частности, в догматико-полюемический раздел он относит его работы: 1) История догмата о Церкви (курс. соч.); 2) Очерки из истории догмата о Церкви (маг. соч.); 3) Краеугольный камень Церкви; 4) Гностицизм и Церковь в отношении к Новому Завету; 5) Свящ. Писание и Церковь; 6) Понятие о Церкви в противонудейской полемике; 7) Вопрос о Церкви в догматической полемике; 8) Вопрос о Церкви в полемике блж. Августина; 9) Воплощение и смирение; 10) Воплощение и Церковь; 11) Воплощение.

См. приложение, где дано и содержание курсового сочинения Саввы Марина.

⁶² Поэтому дальше, на стр. 10, автор дает и другое определение Церкви: «Церковь есть общество верующих в Господа Иисуса Христа, Сына Божия, людей, возрожденных Им Духом Святым, соединенных в любви и под непрекращающимся воздействием Святого Духа достигающих совершенства».

⁶³ Архиеп. Владимир. «Экклезиология в русском богословии в связи с экуменизмом», м. п., 1978, 487 стр., с. 268.

⁶⁴ Цит. по «Экклез...», с. 271.

⁶⁵ Там же, с. 273. Архиеп. Владимир замечает, что все перечисленное — это лишь внешние условия и критерии сохранения

истины, которая принадлежит всей полноте Церкви, в силу живущего в ней Духа.

⁶⁶ Там же, с. 282, со ссылкой на «Очерки...», с. 299.

⁶⁷ Там же, со ссылкой на Оригена у Троицкого в «Очерках», сс. 355 - 356.

⁶⁸ Там же, с. 286, со ссылкой на еп. Киприана.

⁶⁹ См. Л. 44 (БПБС), т. V, сс. 191 - 196.

⁷⁰ См. архиеп. Владимир, цит. соч. сс. 310 - 311.

⁷¹ Там же, со ссылкой на «Единство...», с. 57.

⁷² Там же, с. 312, со ссылкой на сс. 59 - 60 статьи Троицкого.

⁷³ Лучше сказать: «поверхностно», ведь он же побывал на Западе. Как потом верно отметил вл. Владимир, «литургическо-психологический» настрой, получаемый воспитанием в Православной Церкви, оказывается главным препятствием для восприятия западной церковной обстановки (С.Г.).

⁷⁴ Там же, с. 315.

⁷⁵ См. БТ, Юб. сб. «К 300-летию МДА», М., 1986, сс. 193 - 225.

⁷⁶ Т.е. «Единство Церкви и всемирная конференция христианства».

⁷⁷ Там же, текст на сс. 194, 211 - 212.

⁷⁸ Хр., 1911, 1, с. 61; 2, сс. 282 - 306.

⁷⁹ Но человек может быть поставлен в условия полностью замкнутого состояния, полной изолированности, напр., — Мария Египетская, или напр., заключенные или сосланные на поселение, и даже верующие, живущие во враждебном им окружении. — С. Г.

⁸⁰ Возможно влияние и догматики митр. Макария на взгляды архим. Илариона по затронутому вопросу. Совершенно неосновательно, по словам проф. С.С. Глаголева, в курсе догматического богословия митр. Макария (т. 1, с. 424, изд. 1868 года) ...утверждается как догмат, что вне Церкви Христовой нет спасения. Все тексты, приводимые в защиту этого тезиса, надо заметить, говорят о другом, о том, что нельзя спастись, если будешь противиться Церкви. Но это не мешало книге догматизировать идею гибели большей части человечества (С. Глаголев «Задачи русской богословской школы. — БВ, 1905, т. III. с. 431).

Обстоятельный анализ и сопоставление экклезиологических взглядов архим. Илариона и целого ряда других богословов дает А.И. Сидоров (см. примеч. № 55).

⁸¹ «Ж. «Хр-и», 1915, 1, сс. 83—104; 2, сс. 346 - 361.

⁸² Там же, с. 104. Статья архим. Илариона в январском номере «Христианина» за 1915 год, по словам А.Д. Беляева, ректору не понравилась. В оттисках же она без сокращений, с которыми, по желанию В.П. Виноградова, была напечатана, еще более должна не

понравиться... (Дневник А. Беяева за 8.2.1915; ф. 26, 4, 4, л. 20).

⁸³ «Хр-н» 1915, 3, сс. 540 и далее; 4, сс. 770 - 778.

⁸⁴ «Хр-н» 1915, 5, с. 102.

⁸⁵ Там же, с. 107.

⁸⁶ и забывая, что на деле между Вселенской Церковью (Константинопольской) и другими больше было и есть вражды и отчуждения.

⁸⁷ а на самом деле, он лишь усложняет их, а украшение зависит от качества исполняемых песнопений и от их содержания (С.Г.) Разбираются же в служебном, положим, праздничном исследовании лишь некоторые клирики, в основном — настоятели, по долгу службы.

⁸⁸ БВ, 1912, 2 - 3.

⁸⁹ Там же, сс. 368 - 369.

⁹⁰ «Хр-н», 1915, 8, сс. 562 - 578.

⁹¹ За 1911 год (т. 1, сс. 61 - 85, 282 - 306) под заглавием «Христианство и Церковь».

⁹² «Хр-н.», 1916, 3 - 4, сс. 378 - 398.

⁹³ Там же, с. 394.

⁹⁴ Там же, с. 398.

⁹⁵ См. труды архиеп. Владимира и свящ. Вл. Цыпина в списке использованных источников.

⁹⁶ Да у нас даже между приходами, например, нет общения, так что же из этого следует? — С.Г.

⁹⁷ Марин, с. 28, со ссылкой на «Хр-во и Ц.» 1911, с. 27.

⁹⁸ Классификация их приведена в начале Обзора печатных трудов Владыки.

⁹⁹ Краткое изложение статьи «Вифлеем и Голгофа», составленное, по-видимому, другим лицом.

¹⁰⁰ Отзвывы за последующие годы не были напечатаны.